

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

*Мирза Джамал
Джеванишир Карабагский*

ИСТОРИЯ КАРАБАГА

Издательство Академии наук Азербайджанской ССР

Баку — 1959

Перевод предисловие, примечания и указатели
Ф. БАБАЕВА
Редакторы: Р. АЛИЕВ Ш. ТАГИЕВА

ОТ ИНСТИТУТА

Предлагаемое вниманию читателей произведение Мирзы Джамала Джеваншира Карабагского «История Карабага» является одним из ценных первоисточников по истории Азербайджана XVIII—XIX вв.

Мирза Джамал происходил из знатного рода; он был сыном одного из глав джеванширского племени. В 1797 г., после смерти Моллы Панаха Вагифа, он занял пост везира Карабагского ханства, на котором оставался и при Мехтикули хане, преемнике Ибрагим хана Карабагского, вплоть до 1822 г. После ликвидации ханского управления он был назначен в карабагский провинциальный суд, где служил до 1840 г., а затем, по преклонности возраста, вышел в отставку. Он умер в 1853 г.

Свое произведение Мирза Джамал написал на фарсидском языке. На азербайджанском языке оно публикуется впервые.

Прилагаемый сокращенный и вольный перевод его на русский язык, осуществленный А. Берже, был напечатан в 1855 г., в издававшейся в гор. Тифлисе в газете «Кавказ» (№ 61, 62, 65, 67, 68, 69).

В предисловии к переводу А. Берже, касаясь биографических сведений полученных им с помощью М. Ф. Ахундова сына Мирзы Джамала — Ризакули, пишет, что «кроме арабского, персидского и турецкого языков, Мирза Джамал знал лезгинский и аварский языки, имел сведения в астрономии и прекрасно знал историю и географию. Зная также медицину, он, по увольнении в отставку, до конца своей жизни безвозмездно пользовал больных, чем заслужил особое уважение народа.

Способности и память его были замечательны. Он писал стихи на арабском и персидском языках».

В книге Мирзы Джамала, состоящей из введения, семи основных глав, тринадцати мелких разделов и заключения, кратко изложена политическая история Карабага с древнейших времен до 1828 г.

Особую научную ценность представляют III—VII главы и последующие разделы, охватывающие почти все исторические события Карабага и сопредельных с ним районов периода 1747—1828 гг. Сведения, данные об этом отрезке времени, в особенности о времени правления Панах хана и Ибрагим хана, по сравнению с другими источниками, более подробны и достоверны. Ценность упомянутых глав заключается еще и в том, что автор, как явствует из его же высказываний, имеющих в введении и заключении, состоя долгое время в должностях секретаря и везира при обоих ханах, являлся свидетелем, а порою и участником многих из описанных им событий. Изучая другие источники* по Карабагу, можно с полной уверенностью сказать, что основу их в части событий, происходивших при Панах хане и Ибрагим хане, составляло произведение нашего автора.

В отличие от других авторов — А. Бакиханова, Мирзы Адигезаль бека, — описавших только политическую историю Азербайджана, в том числе и Карабага, Мирза Джамал Джеваншир в своем труде дает весьма интересные сведения - об оросительных каналах Карабага, о культурах, возделывавшихся в этом плодородном районе, имущественном положении ханов и их приближенных, положении крестьян и кочевых племен, изнывавших под кабалой местных феодалов, налогах, взимаемых с них, бедствиях, причиненных населению нашествием иранских войск, военной организации Карабагского ханства, доходах и расходах дворца и т. п., позволяющие нам иметь представление и о социально-экономическом положении Карабага в XVIII и первой четверти XIX вв.

Несмотря на то, что в этом произведении нашла свое отражение некоторая ограниченность мировоззрений автора, обусловленная самой эпохой, оно и по сей день имеет большую научную значимость. Это сочинение является одним из замечательных памятников истории Азербайджана.

Учитывая ценность публикуемого произведения в деле изучения истории Азербайджана XVIII—XIX вв., Институт истории Академии наук Азербайджанской ССР счел необходимым издать этот труд как в оригинале, так и в переводе на азербайджанский и русский языки.

Для перевода была взята рукопись, хранящаяся в Республиканском рукописном фонде

Академии наук Азербайджанской ССР (инв. № В=712/11603). В качестве подсобного материала использована рукопись сына автора—прапорщика Ризакули, внесшего некоторые дополнения в произведение своего отца Эта рукопись также хранится в указанном выше фонде.

Перевод снабжен примечаниями и указателями собственных имен и географических названий.

**НЕЗАВИСИМОЕ ПРАВЛЕНИЕ ПОКОЙНЫХ ХАНОВ
КАРАБАГСКОГО ВИЛАЙЕТА ПАНАХ ХАНА И ИБРАГИМ ХАНА
И РАЗНЫЕ СОБЫТИЯ, ОПИСАННЫЕ МИРЗОЙ ДЖАМАЛОМ КАРАБАГСКИМ
ПО ПОРУЧЕНИЮ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВОРОНЦОВА**

Во имя аллаха всемилостивого и всемилосердного! Безграничная хвала и бесконечное прославление подобают [лишь] создателю всех тварей, который возлагает венец счастья на голову тому, кому захочет, и отнимает его у того, у кого захочет.

И воистину, величие, могущество и счастье — [плоды] его всеобщей милости и извечной щедрости.

Бейт

Решаешь ты — кому рабом, кому быть государем,
Кому захочешь, счастье ты даришь.

После восхваления и прославления создателя земли и неба [следует отметить, что] для сведущих людей не является ни секретом ни тайной то, что знание и осведомленность в в минувших событиях, в положении и особенностях каждого вилайета приумножают прозорливость и приносят пользу. Поэтому прибывший в Шушинскую крепость в 1263 мусульманском году, соответствующем 1847 христианскому его, высокоблагородие кавалер, полковник Шахамир хан Бегляров родом из Карабага, встретился со мной, своим искренним другом Мирзой Джамалом Джебванширом карабагским, служившим долгие годы у ханов Карабага, отправляя должность карабагского везира и мирзы, а после их правления исполнявшим все поручения, будучи в числе служащих и чиновников высокого Российского государства; в силу своей доброжелательности ко мне и преданности к господину генералу от инфантерии, кавалеру различных орденов, графу и князю Михаилу Семеновичу Воронцову, — да будет милостив к нему всемогущий аллах! — являющемуся источником милости и щедрот, величественным, благородным покровителем именитых эмиров, защитником знатных и простых людей, наместником, его величества императора, милостивого хагана, падишаха — оплота вселенной, он во время беседы сказал [мне], что его сиятельство [Воронцов] испытывает большую тягу к знакомству с прошлыми событиями, происходившими в каждом из подвластных ему вилайетов, а также к [имевшим место] власти, могуществу и правом бывших ханов. В случае если будет написан и представлен взору милостивого главнокомандующего [Воронцова] обстоятельный обзор событий, действительно происходивших в Карабагском вилайете, он будет воспринят весьма благожелательно и заслужит его благословенное одобрение.

Так как, [я] — низжайший, в силу своей искренности и преданности, в особенности из-за благосклонности и милостей его превосходительства, эту возможность услужить считал для себя подлинным счастьем, дабы суметь хотя бы на йоту удостоиться светлого внимания столь великого, благородного, могущественного и милостивого эмира и быть осчастливленным его радостью и милостью, то, уповая на аллаха, изложил без всяких добавлений и убавлений все то, что было истиной, прочитанной мною в старых исторических [книгах], услышанной от сведущих пожилых людей и ставшей мне известной в течение пятидесяти лет моей жизни. Питаю надежду, что эта книга, преподнесенная его сиятельству, будет принята как подарок и зачтена в число моих заслуг [как знак] искренней преданности. «Аллах оказывает помощь и дарует успех».

Эти страницы я разбил на несколько глав; в каждой главе описал [различные] события.

Глава первая

**О ГРАНИЦАХ, ДРЕВНИХ ГОРОДАХ, НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ И РЕКАХ
КАРАБАГСКОГО ВИЛАЙЕТА**

Как написано в древних исторических [книгах], границы-Карабагского вилайета следующие:

С юга — река Аракс, от Худаферинского моста до Сыных кёрпи,¹ что ныне находится на территории магалов Казах, Шамсаддин и Демирчи-Хасанлы. Чиновники Русского государства называют его «Красный мост». С востока — река Кура, которая у деревни Джавад соединяется с рекой Аракс и далее впадает в Каспийское море. С севера границей Карабага и Елизаветполя²

¹ Сыных кёрпи (по-азербайджански) — «Сломанный мост».

² Тут и в некоторых других местах автор допускает историческую неточность: Ганджа в то время еще не называлась Елизаветполем.

[Ганджи] до реки Куры служит река Гёран, а Кура, протекая по границе, доходит до реки Аракс. С запада—высокие горы Карабага, называемые Кюшбек, Салварты и Эрикли.

В минувшие столетия, когда происходили [различные] смуты и изменения, а также в ряде случаев, когда государи Ирана, Рума³ и Туркестана завоевывали эти земли, устанавливались новые границы, строились крепости и давались им иные названия.

Карабагский вилайет входит в состав страны Арана, ибо спустя некоторое время после потопа, который произошел при Ное — да будет мир над ним! — один из потомков Ноя — да будет мир над ним! — завладев и благоустроив эти вилайеты и земли, расположенные между реками Кура и Аракс с городами: Тифлис, Ганджа, Эриван, Нахичеван, Ордубад и находящимися ныне в разрушенном состоянии на Карабагской земле Бардой и Байлаканом, стал управлять ими и назвал их Араном, так как его самого звали Аран.

Первый город, который был построен в Карабагском вилайете, это — город и крепость Барда, что находится у реки Тергер, в трех фарсах от Куры. Жители того города в древние времена были то ли армяне, то ли какой-то другой народ. В те времена, когда бывшие халифы Бени-Аббаси [Аббасиды] благоустроили город Багдад, превратив его в Дар-уль-хулафе, и жили там, население того города в 306 мусульманском году, что соответствует 886 христианскому¹, приняло ислам.

[Вторым] после него был город Байлакан, основанный приблизительно тысяча пятьсот лет тому назад Кубад падишахом, одним из монархов Ирана и Фарса.- От реки Аракс он прорыл крупный канал в обширную равнину Байлакан, основав там город. В окрестностях его, начиная от реки Кёндалан до реки Гаргар он построил села и деревни, определил райятам² место для жительства. Всюду создал пашни, пастбища, разбил сады и основал населенные пункты. Название того канала с древнейших времен было Барлас, а ныне он известен как Гёвур архы. До времен Чингиз хана этот город, деревни и канал были благоустроены.

В 635 [1237/38] году войска Чингиз хана пришли и осадили город Байлакан. Через несколько месяцев они, захватив город, предали его жителей поголовному истреблению. Население Карабагского вилайета — магалов и деревень — рассеялось по горам Карабага и Ширвана. Некоторое время этот самый город Байлакан и крупный канал находились в разрушенном состоянии. Когда же Теймур падишах из Туркестана пошел на Румский вилайет и, одержав победу в войне с Ильдырым Баязидом, государем Рума, возвращался обратно, он вновь благоустроил город Байкалан и, собрав много народу, снова прорыл канал в город и заново отстроил его.

Таким образом, он [Байлакан] некоторое время оставался благоустроенным. Но во времена сефевидских шахов и Надир шаха этот город при продвижении войск в сторону Грузии и Ширвана вновь был разрушен, а население его рассеялось. [Город] и ныне [лежит] в развалинах.

Канал этот [Гёвур архы] поистине большой и весьма полезный. Если в [районе] орошения его водами будут произведены посевы хлеба, риса и других злаков, а также разбиты тутовые сады, то можно собрать весьма хороший урожай: с каждой четверти пшеницы можно получить свыше двадцати четвертей, а с одной четверти риса и проса — пятьдесят четвертей и даже больше. И сеять их нетрудно. [Землю] наилучшим образом обрабатывают двумя быками. Если в районе этого канала, конечно, при соблюдении надлежащего порядка, поселяться пять — шесть тысяч семейств и построят [себе] деревни и села, то они смогут жить очень хорошо в полном довольстве и достатке.

Кроме упомянутого крупного канала, тут имеются еще несколько других каналов, проведенных из Аракса, и если у каждого из этих каналов разместятся деревни по сто—двести семейств, то они смогут жить в достатке, благоустраиваться и извлекать большую пользу от посевов хлеба, риса и хлопка.

Невзирая на то, что с момента разрушения города Байлакана прошло более трехсот лет, все же эти каналы в начале правления покойных Панах хана и Ибрагим хана были благоустроенными, и упомянутые правители извлекали из них доходы. Каналы имеют следующие названия: Кюрек архы, Лувар архы, Меймене архы, Гемичи архы, Сары арх, Аяз архы, Ташгай архы, Хан архы³.

Глава вторая⁴

³ Рум – Турция.

¹ Тут явная ошибка, ибо 306 год хиджры начался 14 июня 918 г., а закончилась 3 июня 919.

² Райят - крестьянин, плативший аренду помещику.

³ В переводе А Берже значится 16 каналов. См. Приложение, стр. 117

⁴ Автор в этой главе ограничился лишь описанием вопроса о подданстве Карабагского вилайета. Остальные вопросы освещены им в последующих главах.

О ПОДДАНСТВЕ, ДРЕВНИХ ОБЫЧАЯХ И ПОРЯДКАХ КАРАБАГСКОГО ВИЛАЙЕТА

Во времена пребывающих [ныне] в раю сефевидских государей, находившихся в Иране, Карабагский вилайет, илаты⁵, армянские магалы Хамсе⁶, состоящие из магала [магалов] Дизак, Варанда, Хачин, Чилибурд и Тальш, подчинялись ганджинскому беглярбеку. Хотя и до правления покойного Надир шаха среди илатов Джеваншира, Отузики, Баргушата и пр. имелись мелкие ханы, но и все они были подвластны елизаветпольскому беглярбеку. Даже и после того как Надир шах отвоевал Тифлисский, Ганджинский, Эриванский, Нахичеванский и Карабагский вилайеты у жителей и войск Рума, Карабагский вилайет в течение короткого времени оставался под властью елизаветпольского беглярбека, а иногда подчинялся азербайджанскому сардару. Среди илатов и в магалах также были ханы и мелики, которые исполняли государственную службу по поручению азербайджанского сардара. Такое положение существовало до 1160 мусульманского года, соответствующего 1743 христианскому году¹ когда был убит Надир шах.

Глава третья

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОКОЙНОГО ПАНАХ ХАНА И ЕГО УПРАВЛЕНИИ В КАРАБАГСКОМ ВИЛАЙЕТЕ

Род покойного Панах хана происходит от Дизакского Джеваншира² из оймака Сарыджаллы, одного из ветвей племени Бахманлы, прибывшего в древние времена из Туркестана. Предки его среди джеванширского племени были известными, знатными, богатыми, благодетельными людьми.

Когда Надир шах покорил Карабагский, Ганджинский, Тифлисский и Ширванский вилайеты, он вызывал к себе вся кого, кто среди илатов и в деревнях казался ему смелым и умелым, и, включив в число своих служащих, жаловал ему содержание, положение и чин. В том числе [он вызвал к себе] Панах хана, который среди илатов был известен как Панахали бек Джеваншир сарыджаллинский. Во всех известных делах он преуспел, а в битвах и сражениях отличился больше своих соратников. Особенно [крупные] подвиги он совершал во время войны Надир шаха с войсками Рума. Поэтому [шах] привел его к себе, и тот все время, как в походе, так и дома, старался добросовестно служить ему. Усердно выполняя порученные ему дела, он добился сана и почета у шаха.

Так прошло несколько лет. Изю дня в день приумножалась милость Надир шаха к нему. В чинах и положении он добился превосходства над своими соратниками и сослуживцами. Некоторые недруги как при шахском дворе, так и в среде илатов, стали так злословить, как это и свойственно завистникам и зложелателям, тайно и открыто о Панах хане перед Надир шахом, что ослабили расположение шаха к нему. Узнав об истинном положении дел, Панах хан в страхе за свою жизнь, улучив момент, когда шах был в Хорасане, с несколькими людьми из своих родственников и приближенных в 1150 [1737/38] году бежал в Карабагский вилайет.

Когда его бегство стало известно шаху, за ним были посланы гонцы, чтобы схватить его в дороге, но это не удалось. Были написаны весьма настоятельные приказы сардару Азербайджана и правителям Ганджи, Тифлиса и Ширвана о том, чтобы схватить Панах хана, где бы он ни находился, и доставить его к шаху. Несмотря на то, что его семья, домочадцы и прочие родственники и близкие были преследуемы и оштрафованы по приказу шаха, однако и это не помогло.

Вступив в пределы Карабагского вилайета, он совместно со своими приближенными то находился в горах Карабага, то проживал в магале Кабала Шекинского вилайета. По истечении некоторого времени старший сын его, Ибрагим Халил ага, которому тогда было около пятнадцати

⁵ Илаты — кочевые племена .

⁶ Хамсе-буквально Пятерица

¹ 1160 г.х. соответствует 1747г., и Надир шах был убит именно в 1747г.

² Оймак - нарицательное наименование каждого из родов, входящих в состав племени, а также территории, занятой каким-либо родом.

лет, прибыл из Хорасана, где у них был свой собственный дом, к своему почтенному отцу в Карабаг и [в дальнейшем] все время находился при нем.

Таким образом Панах хан прожил несколько лет, а когда Надир шах был убит в указанном выше 1160 [1747] году, появился среди оставшейся части населения Карабага, собрал вокруг себя умелых юношей и стал грабить [районы] Ганджи, Нахичевана и пр. Всех юношей, в особенности своих приближенных, он наделил богатством, одеждой, конем и прочим имуществом.

В это время пришло известие о том, что илаты Джеваншира и прочие племена, переселенные шахом в Хорасан, самовольно возвращаются на свою родину. Панах хан с теми людьми, которые были при нем, пошел до границ Ирака и Азербайджана навстречу карабагским илатам. Илаты и [его] родственники, увидев его в полном здравии, а также узрев многочисленную группу окружавших его слуг и приближенных, обрадовались. Совместно с Панах ханом они вступили на карабагскую землю, и каждый, прибыв в свою былую кочевку, стал поживать спокойно.

Поскольку все илаты были измучены, ограблены и не имели средств [к существованию], Панах хан, объединив вокруг себя многих удалых юношей из своих родственников и илатов, занялся грабежом в Ширванском, Шекинском, Ганджинском и Карабагском вилайетах. Всех юношей он сделал самостоятельными и богатыми. Любовь остального народа он завоевал раздачей скота, коней и наград, а некоторых непокорных подчинили себе путем наказаний и убийств. Никто из жителей Джеваншира, Огузики и других деревень, а также илаты не смели не подчиняться приказам и распоряжениям Панах хана. Когда правители Ширвана и Шеки узнали о таком независимом поведении Панах хана в Карабагском вилайете, они сочли это вредным и опасным для себя и, решив совместно уничтожить Панах хана, заключили между собой союз.

Еще в то время, когда армянские магалы Хамсе не подчинялись ему [Панах хану], он нашел целесообразным построить в удобном месте крепость среди илатов, с тем чтобы в случае похода окрестных ханов против него защитить в ней свою семью, а также семьи родственников, служащих, приближенных и знатных людей. После совещания было заложено основание крепости Баят, которая ныне находится в Кебирлинском магале. В короткий срок были возведены внешние стены, вырыты рвы, построены базар, баня и мечеть. Туда [в крепость] он переселил всю свою семью и домочадцев, а также семейства своих родственников и знатных людей из илатов. [Кроме них], многие из окрестных жителей и даже жителей и особенно ремесленников Тебризского вилайета и Ардебилля, до которых дошла молва о преуспевании, обходительности и милости Панах хана, также пришли с семьями и обосновались в крепости Баят. Крепость была сооружена в 1161 мусульманском году, что соответствует 1745¹ христианскому.

Усиление крепости Баят и увеличение числа сторонников Панах хана вызвали опасение у правителей Ширвана и Шеки, терпевших большие убытки от людей и войск Панах хана. Объединившись, они прибыли с большим войском для усмирения Панах хана и приступили к осаде крепости. Панах хан через каждые два-три дня со своими знатными всадниками, родственниками, платами и способными слугами делал вылазки из крепости и, мужественно сразившись с врагом на обширной площади, расположенной между крепостью и [лагерем] врага, возвращался в крепость с победой над войсками Ширвана и Шеки.

Осада длилась более одного месяца, [тем не менее] ханы Ширвана и Шеки ничего не могли сделать. И когда они увидели, что ежедневно захватывается большое количество их коней и выючных -животных, а войско терпит огромные потери, они вернулись в свои вилайеты с горечью и раскаянием. На обратном пути правитель Шекинского вилайета Гаджи Челеби, являвшийся одним из достойных людей своего времени, сказал: «Панах хан был ханом. Мы пришли, воевали с ним и, не преуспев ни в чем, возвращаемся обратно, сделав его шахом».

После этого события [еще] более усилилась власть, могущество и [укрепилась] независимость Панах хана. Он задумал подчинить себе армянские магалы., Хамсе. Первым счел целесообразным подчинится Мелик Шахназар бек, старый мелик Варандского магала, находившийся во вражде с меликами магалов Чилибурд, Талыш и Дизак. Он всячески подчеркивал свою преданность и любовь к хану; последний же, считая подчинение такой крупной личности и почтенного человека гордостью для своего правления, оказывал ему большие почести и уважение.

Мелик Хачийнского магала, хотя некоторое время и усердствовал во вражде и неповиновении, но, наконец, и он покорился и был назначен Панах ханом медиком своего отдельного наследственного владения, которое существует и поныне. Жители Хачина [изъявили] покорность и добросовестно исполняли возложенные на них обязанности. Однако мелики Дизакского,

¹1161 г. х. соответствует 1748 г, 68

Чилябурдского и Талышского магалов на протяжении нескольких лет продолжали враждовать и воевать с ним [с Панах ханом] и наконец, [лишь] после убийств, грабежей и прочих необходимых мер, предпринятых ханом, покорились и они.

По истечении пятилетнего пребывания в крепости Баят было решено, что, поскольку последняя находится в окружении многочисленных врагов, оставаться в ней и строить тут постоянные город и крепость несовместимо с правилами предосторожности. Поэтому крепость необходимо соорудить на таком месте, которое было бы связано с карабагскими горами, с тем, чтобы во время столкновения с врагами карабагские илаты могли сохранить свой скот и имущество от посягательства врагов в неприступных горах Карабага.

Так как жители Хачинского магала, т. е. Тарнакута, расположенного у Шахбулагы, постоянно шли по пути ненависти и вражды с Панах ханом, то он поставил себе задачей сначала подавить их смуту и со своим конным и пешим войском пошел на них войной.

Жители Хачинского магала, численностью около двух тысяч стрелков, укрывшись со своими семьями в труднодоступном месте, у Баллыгая, стали сопротивляться. Панах хан штурмовал их укрепление. В течение трех дней горел пожар битвы и сражения. На третий день Панах хан захватил их укрепление...

Население окрестных [районов] и магалов Хамсе после такого события, т. е. захвата Панах ханом мощного укрепления, находившегося - под защитой примерно двух тысяч стрелков, было охвачено невообразимым ужасом и страхом и то враждовало с ханом, то вступало с ним в мирные отношения. Несколько раз имели место стычки с медиком Чилябурдского магала Мелик Хатамом и меликом Талышского магала Мелик Усубом. Оба они были старыми богатыми меликами и располагали множеством людей. Наконец, не имея возможности более оставаться на своих местах, они вынуждены были ютиться в труднодоступных местах — глубоких ущельях и на вершинах высоких гор. Когда они увидели, что их посеы, сады и скот подвергаются уничтожению и истреблению со стороны подданных и войск Панах хана, [подобная] жизнь стала им в тягость. Не имея иного выхода, они бросили свой край, дома, посеы и сады и убежали в Ганджу. В течение семи лет они жили в Ганджинском вилайете и [Шамкурском] магале.

Когда Панах хан избавился от вражды и смут жителей Хачина, он назначил отдельного мелика в Хачинский магал. Оставшиеся на месте [жители] покорились. Затем он приступил к постройке крепости Тарнакут,¹ что ныне известна под названием Шахбулагы. Поэтому было решено покинуть Баятскую крепость, [а вместо нее] основать [новую] крепость в Шахбулагы, близ большого родника, вокруг нее возвести на возвышенности широкие стены и построить там базар, площадь, баню и мечеть.

В 1165 [1751/52] году все семьи илатов, знатных людей, ремесленников, [а также] родственников и служащих [хана] переселились и обосновались в названной крепости. По истечении трех — четырех лет самостоятельного [правления] в Шахбулагы молва о независимости и всевозрастающем могуществе [Панах хана] и численности его сторонников получила широкую огласку в окрестных районах. Ханы Ширвана, Шеки, Гянджи, Эривана, Нахичевана, Тебриза и Карадага отправили письма и посланников Панах хану, выражая свои стремления к дружбе с союзом с ним. С некоторыми ханами он сроднился; завоевав зангезурские магалы Нахичевана, Тебризский Кафан, Карадагский Чулдур, Мегри и Гюнай, подчинившиеся власти правителей Нахичевана, Тебриза и Карадага, он включил их в составе подвластных Карабагу земель, назначив им меликов и султанов. Все они покорились власти Панах хана. Это положение и до сих пор существует.

Глава четвертая

ОБ ИЗДАНИИ УКАЗА О НАЗНАЧЕНИИ ПАНАХ ХАНА ХАНОМ И ПРАВИТЕЛЕМ [КАРАБАГА]

После того как был убит Надир шах, сын его брата Али-кули хан, прозвав себя Адиль шахом², сел на престол вместо покойного Надира шаха. Проживавший в Тебризе Сардар Амир Аслан хан,

¹ Тарнакут находился в среднем течении реки Тертера

² А. Бакиханов пишет, что он короновался под именем Али шаха. См. А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам (на азерб. яз.), Баку, 1951, стр. 159.

которого Адиль шах назначил сердаром Азербайджана, прослышав о независимости и славе Панах хана в Карабаге отправил ему от своего имени коня, саблю и подарки, призывая и побуждая его к подчинению Адиль шаху³. Оказав должное внимание и милости посланникам, Панах хан проводил их обратно к сардару Амир Аслану с несколькими знатными старостами из илатов и опытными, почетными людьми, ибо тогда, еще не представлялось возможным враждовать и вести войну с таким могущественным и состоятельным человеком, как сардар. Далее, ханы некоторых сопредельных вилайетов хотя на словах и уверяли в своей дружбе и искренности, но втайне были готовы вредить Панах хану. Поэтому он изъявил покорность, отправив подарки и письма с выражением своей верности правительству Адиль шаха.

Оценив такое повиновение и прибытие посланников как большую заслугу хана перед правительством Адиль шаха, сардар Амир Аслан хан написал донесение последнему. В 1161 мусульманском году, соответствующем 1745⁴ христианскому, в крепость Баят, где жил тогда [Панах хан], были присланы указ Адиль шаха о присвоении ему звания хана и назначении его правителем Карабага и [дары]: драгоценный халат, конь с позолоченным седлом и сабля, украшенная драгоценными камнями. Сардар Амир Аслан также послал ему подарки.

Старост, прибывших к нему [к сардару] в качестве посланников, он проводил с большими подарками, почестями и уважением.

Таким образом, звание хана и [право на] правление Панах хану впервые были пожалованы указом Адиль шаха, сына брата покойного Надир шаха.

По истечении короткого времени до слуха Панах хана дошла весть о том, что Шахрух мирза, сын покойного Надир шаха, убив Аликули хана, прозванного Адиль шахом, вступил в Хорасане на шахский престол, и что на территории Ирака, Азербайджана и Фарса происходят беспорядки.

В такое [смутное] время Панах хан решил завладеть Ганджинским, Эриванским, Нахичеванским и в особенности Ардебильским вилайетами и покорить их ханов. За короткое время он некоторых подчинил себе силой, а других — посредством писем, посланников, а также путем заключения родственных уз. В частности, правителем города Ардебилля он назначил Даргяхкули бека сарыджаллинского. По своему усмотрению он назначал потомков ганджинских ханов правителями, а неугодных смещал [с должности]. Сыновей ханов некоторых вилайетов приводил в крепость Шахбулагы и держал при себе в качестве заложников.

Когда стало известно, что Мухаммед Хасан хан Каджар стал самостоятельным [государем] в Мазандаране, Ираке и Азербайджане, опытные и предприимчивые советники Панах хана, постоянно заботившиеся о делах правления, вновь [собрались] по указанию Панах хана и держали такой совет: «За период времени, прошедший после смерти Надир шаха, [между нами и] Аликули ханом и сардаром Амир Асланом существовали союзнические и дружественные отношения. Но теперь весьма возможно, что таких дружественных отношений не будет; кроме того, мы не имеем достаточной уверенности в отношении соседних ханов. Не исключена возможность, что они будут подстрекать Мухаммед Хасан хана и вместе с ним приступят к войне с нами. Тогда илаты и войска Карабага будут растоптаны кызылбашскими войсками и мы, не будучи в состоянии устоять в крепости Шахбулагы перед таким могущественным врагом и войсками соседних ханов, погибнем все до единого. Поэтому надо предотвратить событие, не ожидая, пока оно наступит. Крепость мы должны построить на веки вечные, среди гор, в непроходимом, неприступном месте, чтобы даже самый сильный враг не смог осадить ее. Дорога к крепости с одной стороны должна быть открыта платам, которые будут находиться в горах; не должна быть прервана связь [и] с магалами».

Этими [своими] соображениями они поделились с Мелик Шахназар беком, который всегда был их доброжелателем. Вопрос о постройке Шушинской крепости был решен по его совету и указанию. Для осмотра района [будущей] крепости [хан] отправил нескольких опытных и сведущих людей из числа своих приближенных. Внутри этой крепости не было проточной воды, кроме двух-трех маленьких родников, которые не могли обеспечить потребности большого скопления народа и жителей крепости. Поэтому они [посланцы хана] вырыли колодцы в нескольких местах, где, по их мнению, могла быть вода, и установили, что во многих [других] местах [также] можно вырыть колодцы и добыть воду. Обо всем они сообщили Панах хану, который обрадовался этому. Он направился туда вместе с несколькими своими приближенными и, осмотрев [местность], приступил к постройке крепости.

³ Мирза Адигезаль бек пишет, что «Амир Аслан хан приехал для встречи с Панахали беком и удостоился чести видеться с ним. Мирза Адигезаль бек. Карабаг-наме. Баку, 1950, стр. 52.

⁴ 1161 г. х. соответствует 1748 г.

В 1170 мусульманском году, соответствующем 1754¹ христианскому, он переселил [сюда] всех райятов, проживавших в крепости Шахбулагы, а также семейства знатных людей, меликов, служащих и старост из илатов и некоторых, деревень и предоставил им место для жительства внутри крепости. До этого здесь не было никаких жилищ. Это место было пашней и пастбищем, принадлежавшими жителям Шушикенда, расположенного в шести верстах восточнее крепости. После устройства народа, определения для всех, в особенности для себя, [участков для] домов и жилищ, он совместно с искусными мастерами и прозорливыми каргузарами² построил стены крепости, которые ныне разрушены и лишь в некоторых местах остались их следы.

Спустя год после основания крепости Мухаммед Хасан хан Каджар, отец Ага Мухаммед шаха, намереваясь захватить Шушинскую крепость и подчинить себе Панах хана, переправился с войсками Ирака и Азербайджана через Аракс и разбил лагерь в четырех фарсах от крепости. Целый месяц он находился там. Много передумал и всякие планы строил он, чтобы принудить Панах хана к повиновению и покорить Шушинскую крепость, но не смог с таким [крупным] войском [даже] приблизиться к окрестностям крепости. Более того, отважные жители Карабага, как явно, так и тайно, захватывали коней, мулов и прочий выючный скот армии и наносили большой урон войскам Мухаммед Хасан хана.

В это время до слуха Мухаммед Хасан хана дошла весть о выступлении Керим хана Зенда в городе Ширазе, в стране Фарс, и о том, что тот, собрав большое войско, намеревается овладеть Ираком и Мазандараном. Поэтому оставив [мысль] о захвате крепости и покорении Ширвана, Ганджи и пр., [Мухаммед Хасан хан] спешно отправился в сторону Ирака, Фарса и Мазандарана. [Тем временем] Керим хан Зенд, захвативший до прибытия Мухаммед Хасан хана все вилайеты Фарса и некоторые вилайеты Ирака и других [провинций], подготовился к войне с Мухаммед Хасан ханом, который, собрав большое войско из Азербайджана, Гиляна и пр., пошел в сторону Фарса для подавления Керим хана. Но так как наделить счастьем и богатством может лишь создатель вселенной, несколько человек из приближенных Мухаммед Хасан хана задумали совершить предательство; они убили его, и в надежде получить высокие чины и крупные награды, отнесли его отрубленную голову к Керим хану. Однако поскольку защита чести сардаров и знатных лиц в таких непристойных делах долг самих сардаров, то он [Керим хан] наказал убийц Мухаммед Хасан хана, лишив их наград и милостей, дабы другие не совершали подобных предательств в отношении своих благодетелей.

После случая с Мухаммед Хасан ханом, из Урмийского вилайета [выступил] претендовавший на власть Фатали хан Афшар, являвшийся одним из сардаров Надир шаха, и завладел всем Азербайджаном. Хотя он и посылал красноречивых посланников к Панах хану и призывал его к союзу и повиновению, но тот, справедливо считая повиновение таким сардарам позором и унижением для себя, возвратил его посланников с грубым ответом.

После прибытия посланников Фатали хан собрал большое [войско] из населения Азербайджанского, Урмийского и других вилайетов и, с намерением захватить крепость, овладеть Карабагом и уничтожить Панах хана, пошел на Шушинскую крепость и разбил лагерь в одном фарсах от крепости. Мелики Чилияурда и Тальша, питавшие скрытую вражду к Панах хану, присоединились к Фатали хану. Шесть месяцев они просидели у крепости. Через каждые несколько дней происходили стычки и сражения между Панах ханом и войском Фатали хана и во всех случаях воины Панах хана одерживали победу над кызылбашским войском. В течение этого времени Фатали хан ничего не смог сделать, [кроме как] наблюдать за учащавшимися изо дня в день поражениями.

Наконец, однажды со всеми своими пешими и конными войсками, а также пешими [бойцами] меликов указанных выше магалов он перешел в наступление. Переправившись через шушинскую реку, он подошел на полверсты к крепости, откуда [с одной стороны] выступил Панах хан со своими юными именитыми бойцами, отважными стрелками из илатов и магалов Варанды и Хачина, а с другой, перешли в наступление предводители конницы илатов с храбрыми родственниками Панах хана. Войскам Фатали хана было нанесено крупное поражение. [Воины Панах хана] в глубоких ущельях и тесных проходах ловили и убивали воинов Фатали хана до тех пор, пока те не сложили оружие. В этом штурме из войска Фатали хана было убито и захвачено [в плен] около двух тысяч человек пеших и конных. [Остальные] в полном расстройстве и с

¹1170 г. х. соответствует 1756/1757 г.

² Каргузар — чиновник, управляющий делами.

раскаянием вернулись в свой лагерь, а одержавший победу Панах хан с трофеями и пленными возвратился в крепость. Фатали хан Афшар, ввиду такого поражения, а также приближения зимы, вступил на путь мира и соглашения, отправив опытных посланников с торжественными клятвами и обязательствами. [Он говорил]: «Пусть Панах хан отпустит захваченных и пленных воинов и станет нашим союзником и другом. Я же от чистого сердца выдам свою дочь за его старшего сына Ибрагим Халил агу и мы будем вечными родственниками и друзьями; с условием, однако чтобы он [Панах хан], для участия в свадьбе и церемонии бракосочетания отправил к нам в лагерь Ибрагим Халил агу, который пробыл здесь два — три дня, вернется обратно».

И чтобы хан был спокоен [за судьбу своего сына], он отправил к нему троих своих сыновей и родственников, с тем чтобы они до возвращения Ибрагим Халил аги оставались при хане в качестве заложников.

Поверив торжественным клятвам Фатали хана и [успокоенный] прибытием его сыновей и родственников, Панах хан отправил Ибрагим Халил агу с двумя — тремя старостами в лагерь Фатали хана. Обрадованный этим известием, Фатали хан выслал ему навстречу несколько своих сыновей.

Ибрагим Халил ага был доставлен в лагерь с большими почестями, весельем и музыкой. Под предлогом того, что [по приметам] час был недобрый, Ибрагим Халил агу продержали два дня в лагере, устраивая в честь него всякие пиры. В течение этих двух дней они с присущим им внешним вниманием и вежливостью, оказываемыми с целью обмана других и осуществления своих [коварных] замыслов, совершили все установленные церемонии и освободили из плена своих людей. На третий день, забрав с собой Ибрагим Халил агу и старост, как арестованных, ушли и нигде не останавливались, пока не прибыли в Урмийскую крепость. Большое горе причинило это событие Панах хану и знатным людям Карабага. Они сетовали, каялись. Но зная, что, в конце концов, никакой пользы от этого не получится; стали совещаться и искать пути для освобождения сына [Панах хана] и уничтожения Фатали хана.

Поскольку творец вселенной и создатель человеческого рода и духов во всякий миг и время является покровителем и помощником правдивых, искренних и справедливых людей, в особенности наделяет успехом и победой тех, кто непреклонен и верен своим словам и обещаниям и далек от хитрости и коварства, кончающихся сожалением и гибелью, то он, владыка мира, пожаловал в это время полную независимость Керим хану Зенду, претендовавшему на власть в Ираке и Фарсе. Он начал войну с названным выше Фатали ханом и назначил одного из своих родственников¹ на подавление Фатали хана, отправив его с войском Ирака и Фарса в Азербайджан. Услышав об этом, Фатали хан тут же, до прибытия войск Керим хана, для защиты [себя] выступил ему навстречу со своими войсками из Азербайджана и окрестных районов. Столкновение произошло в районе Исфагана. Войско Керим хана потерпело поражение, а родственник его, возглавивший войско, пал на поле брани.

Овладев еще несколькими вилайетами Ирака, Фатали хан возвратился с победой.

После этого Керим хан Зенд решил отомстить и с большим войском из вилайета Фарса пошел на Азербайджан для подавления Фатали хана. Еще до прибытия своего в Азербайджан он послал доверенное лицо к Панах хану, выражая свою милость, благосклонность и дружбу. Письмо, отправленное им, было следующего содержания: «Фатали хан стал не только нашим врагом, но и кровником. С вами сделал то, что не следовало бы делать: нарушил обет и клятву. Хитростью, коварством увез твоего сына и заключил в темницу. Поэтому ты должен содействовать нам и не жалеть тех сил, какими располагаешь, ибо как мщение, так и освобождение твоего сына, чему вы будете рады, являются нашей целью».

Воспользовавшись этим удачным случаем, Панах хан для подавления лживого и коварного врага со своими войсками и знаменитыми всадниками Карабага отправился в Азербайджан к Керим хану. Керим хан встретил его с большими почестями и наградами.

Они вместе отправились в сторону Урмийского вилайета для войны с Фатали ханом, а Фатали хан с большим войском, [собранным им] из подвластных вилайетов, выступил им навстречу. Обе стороны вступили в бой. Наконец Фатали хан потерпел поражение и оказался осажденным в Урмийской крепости. Через несколько дней, не имея другого выхода, кроме подчинения, и надеясь

¹ Мирза Адигезаль бек (указ. соч., стр. 71) пишет, что «Керим хан Зенд направил своего брата Искендер бека с большим количеством войск на войну с Фатали ханом».

на обещание Керим хана, [Фатали хан] явился к нему². Урмийская крепость досталась Керим хану и он стал независимым [правителем].

Керим хан, называя себя векилом [уполномоченным] иранского шаха, говорил: «Поскольку в Иране нет самодержавного шаха, я до появления и восшествия на престол [нового] шаха являюсь векилом падишаха». Поэтому Керим хана звали, векилом. Освободив Ибрагим Халил агу, находившегося под арестом в Урмии, он вызвал его к себе и пожаловал ему указ о назначении его правителем Карабага с титулом хана, а также лошадь, саблю, халат и с большими почестями отправил в Карабаг. Питая особую любовь к Панах хану, он, из милости и любезности к нему, просил его: «Ты некоторое время должен побыть со мной, чтобы я смог отплатить тебе за твою верность и искренность». И увез его с собой в Ширазский вилайет.

Прибыв в Карабаг, Ибрагим Халил хан стал самостоятельным ханом и правителем и властвовал, не подчиняясь никому. Все жители Карабага и других вилайетов повиновались ему. Панах хан пробыл короткое время в городе Ширазе, являвшемся столицей Керим хана. [Наконец], настал [его] смертный час, и он приобщился к милости божьей в Ширазе. Труп его с большими почестями доставили в Карабаг и предали земле в его собственном поместье, ныне известном под названием Агдам. Да помилует его аллах!

Как явствует из дел и событий, имевших место после смерти Надир шаха за все время правления Панах хана, длившееся двенадцать лет, победы, успех, счастье и богатство всегда сопутствовали ему. Большинство вилайетов Азербайджана были подвластны и повиновались ему.

Керим [хан] повез с собой Фатали хана до окрестностей Исфагана и умертвил его там, где в войне с войском Фатали хана был убит его [Керим хана] родственник. Он мстил и за себя и за Панах хана, так как он [Фатали хан] нарушил данный ему обет, ложно клялся и обманывал его. Создатель вселенной быстро воздал за этот проступок. От коварства, хитрости и лжи [Фатали хан], кроме раскаяния и гибели, ничего не получил, Всевышний бог запретил своим рабам коварство, хитрость, ложную клятву и нарушение обета. На опыте доказано, что того, кто солжет своему другу, благодетелю или господину, встанет на путь хитрости, предательства и предаст забвению благодеяния и милости [своего] господина, ставшего господином по воле творца мира, ничего, кроме раскаяния и гибели, не получит. «Аллах, награждающий и карающий, за добро награждает, за зло наказывает».

Глава пятая

О ПРАВЛЕНИИ ИБРАГИМ ХАНА И О ПОРЯДКАХ И СОБЫТИЯХ ТЕХ ВРЕМЕН

Ибрагим хан, являясь независимым правителем Карабага, с 1174 мусульманского года, что соответствует 1756¹ христианскому, до 1221 [1806] года не подчинялся иранским и румским государям. Его приказы и распоряжения выполнялись в Ширванском, Шекинском, Ганджинском, Эриванском, Нахичеванском, Хойском, Карадагском, Тебризском, Ардебильском вилайетах и даже в Мараге и Каплан-Кухе, являвшейся границей Ирака и Азербайджана. Отстранение и назначение ханов вилайетов производилось согласно приказу и поручению Ибрагим хана². Он имел родственные связи с Умма ханом, правителем вилайета Авара и Дагестана. Он был женат на почтенной сестре Умма хана. При надобности он просил войско из вилайета Дагестана и Лезги и, доставив его совместно с Умма ханом и прочими военачальниками в Карабагский вилайет, отправлял их с предводителями своего племени и кара-багского войска куда нужно, наказывал и

2А. Бакиханов (указ. соч., стр. 165) относит эти события к 1176 г. х., который начался 23 июля 1762 г. а закончился 11 июля 1763 г

¹ 1174 г. х. соответствует 1760/61 г. Мирза Адигезаль бек (указ. соч., стр. 74) пишет, что Ибрагим хан в 1173 г. (1759) занял пост правителя Карабага

² Тут явное преувеличение. Имея сильное влияние на правителей окрестных вилайетов, Ибрагим хан не был, однако, настолько силен, чтобы, милуя Иранское правительство, назначать или отстранять ханов. Тем более, что ханы Тебриза, Хоя, Мараги и Эривана никогда не зависели от него. Это преувеличение имеет место и у Мирзы Адигезаль бека, который, по всей вероятности, при составлении своей книги имел под рукой сочинение Мирзы Джамала.

приводил в повиновение [непокорных]. Помимо этого, он установил родственные связи с ханами [некоторых] вилайетов, как-то: Шахсевана, Карадага, Хоя и Ганджи, и все они, то ли в силу этого родства, то ли нажима, искренне подчинялись ему. Даже некоторые магалы Табризского и Карадгекского вилайетов он жаловал своим знатным военачальникам, дабы те воспользовались доходами с них. Хотя Ибрагим Халил хан не имел шахского титула, но обладал таким же могуществом и великолепием [двора], как иранские шахи. Сыновья и потомки ханов указанных вилайетов всегда находились при Ибрагим Халил хане в крепости Шуше в качестве заложников. И это продолжалось до тех пор пока Ага Мухаммед хан [шах], сын Мухаммед Хасан хана Каджара, не убежал после смерти Керим хана из Шираза, где он находился в качестве заложника, и не стал претендовать на престол. После нескольких лет стараний он завладел Ираком и Фарсом, превратив Тегеран в столичный город. В 1107 мусульманском [1695/961 году³ он пришел в Азербайджанский (вилайет и захватил все вилайеты, расположенные к югу от Аракса, за исключением Эриванского и Талышского. До этого он посылал Ибрагим Халил хану халат, саблю, коня с позолоченным седлом и уздечкой и призывал его к повиновению. [Ибрагим Халил хан] на словах выражал свое повиновение и между ними внешне происходил обмен учтивостями и посланниками. В частности, Ибрагим Халил хан отправил к Аге [Мухаммед шаху] своего двоюродного брата Абдуссамед бека с Мирзой Велием Бахарлы, способным и красноречивым человеком, в качестве заложников, и шах держал их при себе, оказывал им большие почести.

Когда же юный, отважный и щедрый Лутфали хан Зенд, являвшийся врагом Ага Мухаммед хана, стал претендовать на престол в Кирманском вилайете, он [Ага Мухаммед шах] одержал победу над ним и предал население Кирмана поголовному истреблению. [В то же время] произошли некоторые события, ухудшившие отношения между Ибрагим Халил ханом и Ага Мухаммед шахом. Абдуссамед бек совместно с Мирзой Велием Бахарлы и несколькими слугами убежал из Кирмана. Высланные гонцы, следуя за ними днем и ночью, заблаговременно оповестили жителей селения Серчем. Пешие и конные [воины] захватили дороги по берегу реки Кызыл Озен и, вступив в бой с Абдуссамед беком, пулей ранили его в колено и захватили его с товарищами. Был также схвачен Мирза Вели. Абдуссамед бек там же скончался от полученной раны. Остальные были доставлены к шаху и заключены в темницу в Тегеране.

Когда Ага Мухаммед шах находился под стенами Шушинской крепости, то послы Ибрагим Халил хана иногда ходили к нему. Однажды Ага Мухаммед шах, разгневавшись на наказания Ибрагим хана, написал приказ, [на основании которого] Мирза Вели в Тегеране был привязан к пушке и расстрелян из нее. Остальные схваченные, коих было десять человек, также были казнены все до единого. Да помилует их аллах!

Глава шестая

О РАЗНЫХ СОБЫТИЯХ И КОНЧИНЕ АГА МУХАММЕД ШАХА

Ввиду осложнения отношений между Ибрагим Халил ханом и Ага Мухаммед шахом [последний] в 1209 [1794/95] году выступил с большим войском в сторону Азербайджана, намереваясь захватить Тифлиский, Эриванский, Карабагский и Талышский вилайеты. Сначала он отправил Аликули хана шахсеванского, являвшегося главным полководцем его армии, с другими ханами против Эриванской крепости, а сам со всеми войсками Ирака, Фарса, Азербайджана и Хорасана пошел на Шушинскую крепость и разбил лагерь в одном фарсахе от крепости, на привале Говахан.

Тифлиский валий высокопоставленный Ираклий хан, правитель Эривана Мухаммед хан и правитель Талыша Мир Мустафа хан совместно с Ибрагим ханом поклялись не повиноваться Ага Мухаммед шаху, а быть союзниками и помогать друг другу. [Поэтому] часть илатов Карабага была отправлена в Тифлис, а некоторые — в Ширван к Мустафа хану, являвшемуся ставленником Ибрагим хана в Ширванском вилайете. Остальные илаты и воины, числившиеся в списках и книгах, были; размещены им [Ибрагим ханом] в горах Карабага и внутри крепости. Он собрал

³ Тут явная ошибка, очевидно переписчика; должен быть 1207 (1792—1793) г.

[воедино] все магалы Карабага закончил необходимые для обороны крепости приготовления привел в порядок большие и маленькие пушки и подготовился к войне с шахом.

Тридцать три дня посидел Ага Мухаммед шах около [Шушинской] крепости но не смог со столь крупным войском переправиться через реку, претекавшую в пяти верстах от крепости, и приблизиться к последней. Пешие и конные войска Карабага, предводители илатов и деревень, мелики Варандского, Дизакского и Хачинского магалов, нападая мелкими отрядами на кзылбашские войска в лесах, на дорогах и в проходах, ежедневно угоняли их лошадей, мулов и верблюдов, грабили изахватывали караваны, привозившие лагерь зерно из вилайетов, и доставляли их к Ибрагим хану. Дело дошло до того, что одного мула, по тогдашним деньгам, продавали – за четыре рубля, а хорошего коня – за десять рублей. Варандского магала большой толпой пошли и захватили одну из башен, охранявшуюся личными стрелками Ага Мухаммед шаха. Перебив в течении одного часа почти всю охрану, они захватили с собой нескольких оставшихся в живых стрелков и на рассвете доставили их к Ибрагим хану. ни днем ни ночью они не довали покоя кзылбашским войскам. Шах три–четыре раза решался лично с крупным решался лично с крупным войском перейти реку и приблизиться к крепости, но проворные пехотинцы и отважные всадники, выступив против него со своим командирами, мужественно сражались, одерживали над ним победу и заставляли его возвращаться обратно.

Между тем правитель Ганджи Джавад хан пришел к аге Мухаммед шаху совместно с Мелик Меджнуном, меликом Чилибурдского магала, который, отвернувшись от Ибрагим хана, проживал у Джавад хана в Ганджинском вилайете. По их совету, [Ага Мухаммед шах], потерпевший тысячи поражений и невзгод, отказался от [захвата] крепости и выступил в сторону Тифлиса с целью покорения Грузии. До ухода шаха Ибрагим Халил хан послал достопочтенному валию Грузии следующее сообщение: «Ага Мухаммед шах оказался бессильным захватить крепость, потерял многих воинов и много вьючного скота своей армии и [теперь] намерен покрыть свое поражение завоеванием Тифлиса и ограблением сел Грузии. Будьте готовы дать отпор его злодеяниям и посягательствам!»

Для обеспечения отдыха конскому составу и своим воинам, фактически, пережившим осадное положение, Ага Мухаммед хан разбил лагерь близ Агдама и, пользуясь удобным случаем, пробыл там более одного месяца. Оттуда они направились «в сторону Грузии» для завоевания Грузинского вилайета и города Тифлиса. Джавад хан и Мелик Меджнун всюду следовали впереди войска в качестве проводников шаха. Приблизившись к Тифлису, они [воины шаха] в течение короткого времени захватили его¹, предав город огню, двинулись обратно в Азербайджан. Они всюду следовали по берегу Куры. Переправившись через реку Аракс близ селения Джавад, они остановились на зимовку в Муганской степи и зиму провели там. Весною, когда еще не были завоеваны ни Эриванская крепость, ни вилайет, опять поднялись волнения в районе Фарса и крупные смуты в Кирмане и прочих [местах], что и вынудила [Ага Мухаммед шаха] вернуться в вилайет Фарса, чтобы восстановить там порядок.

В ту весну, когда шах находился в районе Фарса, Ибрагим хан, приведя войско из Дагестана, осадил город Ганджу, предложив грузинскому валию также принять участие в этом предприятии, так как [Джавад хан] был виновником разорения Тифлиса. Вскоре Джавад хан вновь покорился и, поклявшись ни в чем не перечить распоряжениям Ибрагим хана, отдал ему в заложники своего сына и сестру¹ В этой войне был убит Мелик Меджнун.

В то время, когда Ага Мухаммед шах еще находился в районе Фарса и Хорасана, генерал-аншеф граф Валериан Зубов, согласно повелению и приказу ее величества императрицы Екатерины, прибыл с крупным войском в Дербендский район², захватил Дербентскую крепость и, подступив к окрестностям города Шемахи, расположился там лагерем. Ибрагим хан по своей доброй воле отправил к главнокомандующему Валериану Зубову своего сына Абульфат хана с сыновьями некоторых беков Карабага, с подарками и породистыми лошадьми, изъявив свою покорность и искренние чувства к высокому Российскому государству. Им было написано также прошение с выражением преданности ее величеству императрице, а с одним князем послал богатые подарки к Ибрагим хану, обнадежив его вечной милостью ее величества императрицы. Когда окрестные ханы узнали о том, что Ибрагим хан направил своего сына к главнокомандующему, то все они, а именно: Мир Мустафа хан талышский, Мустафа хан шир-

¹ Вторжение войск Ага Мухаммеда шаха в Тифлис произошло 12 сентября 1795 г.

^{1В} переводе А. Берже говорится, что в заложники был отдан родной племянник. Мирза Адигезаль бек (указ. соч., стр. 84) пишет, что в заложники были отданы сын и дочь Джавад хана.

² Войска графа Зубова к Дербенду подошли 2 мая 1796 г

ванский, Джавад хан и даже ханы Эривана, Нахичевани, Хоя и Карадага отправили своих посланников к Ибрагим хану и заявили: «Мы не откажемся от того, что находит целесообразным Ибрагим хан. Поскольку он счел нужным подчиниться Российскому государству, то мы также последуем по пути дружбы и повинемся милостивой императрице России». Ибрагим хан вновь [все] эти письма отправил главнокомандующему Зубову.

Хотя по степени могущества и величия грузинский валий и превосходил других ханов Ширвана, Хоя, Эривана и пр. — он происходил из древней династии, владел обширным вилайетом и крупным богатством, — но тем не менее во всех делах он прислушивался к советам Ибрагим хана, ибо Умма хан, правитель Аварии и Дагестана, а также прочие владельцы тех мест, повиновавшиеся Ибрагим хану в силу своего родства с ним, в случае возникновения каких-либо трений между грузинским валием и ханом, шли с крупным войском на Грузию и производили там большие опустошения, что и случилось в 1199 [1784/85] году, когда ухудшились отношения между валием Грузии и Ибрагим ханом. Умма хан с многочисленным войском вторгся в Грузию, захватил крепости Сыгнаг и Гюмюшхана, истребил много жителей, а оставшихся [в живых] детей и жен жителей того места пленил. Ограбив многие окрестные деревни, он пошел в Ахыска [Ахалцих] к Сулеймап паше, где провел зиму, а затем, получив богатые подарки от румского султана, опять вернулся через Грузию в Дагестан и по дороге осадил расположенную на границе мощную крепость Вахан, где проживал с семьей князь Абашидзе, и захватил ее. Истребил многих жителей крепости, оставшихся [в живых] детей и женщин пленил, а имущество и богатство их ограбил. Одну из дочерей князя Абашидзе с некоторыми вещами он послал в качестве подарка Ибрагим хану. Ибрагим хан женился на ней, и от этой самой дочери Абашидзе родился один сын и одна дочь. На другой дочери князя Абашидзе женился сам Умма хан.

Ввиду всего этого валий во многом нуждался в Ибрагим хане. [Дорожил он им] еще и потому, что ханы Ширвана, Шеки, Ганджи, Эривана, Хоя, Карадага, Нахичевана, Талыша, Тебриза, а также Шахсевана и Шегаги подчинялись Ибрагим хану, ни в чем не смея перечить ему. И тифлисский валий и силу своей преданности, а также из осторожности изъявил согласие подчиниться высокому государству России, отправив посла с прошением.

Все были готовы стать преданными подданными великой державы, как вдруг скончалась ее величество императрица.³ Главнокомандующий Зубов отпустил Абульфат хана, сыновей беков и старост Карабага с большими почестями и подарками, известив [через них] Ибрагим хана о своем возвращении [в Россию], согласно повелению императора Павла.

Это известие принесло большое огорчение. [С другой стороны], оно усилило вражду Ага Мухаммед шаха [к Ибрагим хану], ибо он хотел без особых потерь, лаской подчинить себе последнего, и то что Ибрагим хан без всякой войны и сопротивления выразил свое повиновение и искренность вековечному государству России и отрешился от шаха ислама и Ирана, сильно взбесило его. Решив [за это] уничтожить Ибрагим хана, он весной с многочисленным войском двинулся в сторону Азербайджана.¹

В Карабахском вилайете, вследствие трехлетней засухи и неурожая зерна и прочих злаков, был сильный голод. Цены на зерно настолько возросли, что четверть пшеницы, по тогдашним деньгам, с трудом можно было купить за сорок пять рублей. Положение становилось безвыходным. [Между тем] Ага Мухаммед шах с кызылбашским войском достиг берегов реки Аракса. Остаться в Шушинской крепости после стольких лет голода и лишений и держаться против такого сильного врага было трудно. Поэтому, не имея другого выхода, [Ибрагим хан] с семьей, детьми, всеми родственниками, семействами знатных и преданных беков и самоотверженными слугами вышел из крепости и отправился в сторону Джара и Талы, с тем, чтобы остановиться там и, если подоспеет помощь из Дагестана, Грузии и других вилайетов, выступить навстречу [врагу], в противном же случае отправиться оттуда в Дагестан к своему родственнику — правителю Аварии Умма хану и избавиться от преследования Ага Мухаммед шаха. В числе лиц, находившихся тогда при нем и не пожелавших расстаться с ним, были зять его Насир хан, Ата хан шахсеванский, Правитель Шекинского вилайета Селим хан, являвшийся также зятем хана, беки Шекинского вилайета, Шахсевана и их дети.

Узнав на берегу Аракса об уходе Ибрагим хана из крепости, Ага Мухаммед шах выслал около двух тысяч всадников с военачальниками, чтобы настичь его на ганджинской дороге или на берегу

³ Императрица Екатерина II скончалась 6 ноября 1796 г.

¹ Это произошло в 1797 г. См. Н. Дубровин. История войн и владычества русских на Кавказе, т. III, СПб., 1886, стр. 209

Куры. Посланный кызылбашский отряд настиг обоз и людей, находящихся при Ибрагим хане, близ тертерского моста и дал бой, но не сумев причинить [особого] вреда людям и их семьям, захватил некоторые вещи из обоза² и вернулся обратно.

[Тем временем] Ибрагим хан переправился [на ту сторону] Куры и через Шекинский вилайет вступил в джаро-белоканскую землю. Хотя старосты и главы Джара и Талы и имели предписание Ага Мухаммед шаха задержать Ибрагим хана и других ханов и не допускать их к Дагестану, но поскольку жители Джара, Белокана и Илису долгое время пользовались милостями и подарками Ибрагим хана и искренне повиновались ему, исполняя [все] его поручения, то они доброжелательно отнеслись к нему и оказали должный почет и гостеприимство.

Они пробыли в белоканской земле [не более] двадцати дней, как вдруг Ибрагим хан получил известие об убийстве Ага Мухаммед шаха в Шушинской крепости. Подробности убийства Ага Мухаммед шаха были следующие:

После ухода Ибрагим хана из крепости в сторону Белокана Ага Мухаммед шах беспрепятственно вошел в Шушинскую крепость. Пробыв там неделю, однажды ночью он по какому-то неприятному для него делу разгневался на двух своих близких слуг — Сафарали бека и Аббас бека и поклялся, что с восходом [солнца] обоих их жестоко накажет. Поскольку они знали, что он [шах] никогда не изменял своему слову, то, опасаясь за свою жизнь, сочли нужным убить его до рассвета. На рассвете, когда шах еще спал, они вошли к нему с острыми кинжалами, убили его и заперли двери. Забрав с собой браслет, корону и осыпанную драгоценными камнями ленту шаха, они отправились к Садах хану шегагийскому и сообщили ему о случившемся. Садах хан, страшась шаха, не поверил этим словам. Не питая никакого доверия к шаху и вечно чувствуя страх за свою жизнь, он не поверил им, приняв эти слова за хитрость шаха. Наконец, после неоднократных клятв он убедился, по-прежнему чувствуя непреодолимый страх, вошел в дом генерал-майора Мухаммед Хасан аги, где остановился Ага Мухаммед шах. Все время придерживаясь правил этикета, он подошел к комнате, в которой спал шах, приподнял край занавеса, поклонился и тихо вошел в нее. Как ни старался Сафарали бек воодушевить его, тот все же испытывал страх. [Тогда] Сафарали бек выступил вперед, приподнял одеяло с головы шаха и показал ему изрубленное кинжалом его тело. Не имея возможности задерживаться там, Садах хан взял с собой браслет, корону и ленту, и, быстро вернувшись в свою квартиру, объявил, что шах велел ему отправиться в сторону Ганджи и Грузии. Собрав своих подчиненных и шегагийское войско, он вышел из крепости в сопровождении одного из убийц шаха — Аббас бека. Сафарали бек остался в крепости. Не прошло и двух часов после ухода Садах хана, как весть об умерщвлении шаха получила [широкую] огласку внутри крепости. Пораженные и опечаленные [этим известием] кызылбашские ханы, собрав своих людей, которые были поблизости, отрядами бежали [из крепости]. Жители города хлынули [на них] и раздевали всякого. Они ворвались в дом и стали грабить имущество, ковры и прочие золотые, серебряные изделия и драгоценные камни, принадлежавшие шаху. Каждый брал то, что попадалось ему под руку. Узнав об этом, Мухаммед бек, сын брата Ибрагим хана, отважный, храбрый и знатный юноша, с несколькими слугами встал у дверей здания и отобрал у людей оставшиеся в целости драгоценные камни, золотые и серебряные изделия, ковры, деньги и прочие вещи. Овладев всем этим, он перенес их из дома Мухаммед Хасан аги в свой дом и приступил к управлению делами крепости. Отрезанную голову Ага Мухаммед шаха со своим письмом он отправил в Белокан к Ибрагим хану с одним из старых слуг¹. С доставленной головы к Ибрагим хану [всем] стало известно, что шах действительно убит. Голова шаха с большими почестями была вымыта и завернута в саван и отправлена со сведущими муллами, знатоками необходимых церемоний в Джар, где и была похоронена на кладбище знаменитых личностей.²

Из-за [имевших место] некоторых препятствий [Ибрагим хану] не удавалось возвратиться в Карабаг, и он три месяца оставался в Белокане. В течение этого времени валий Грузии, правитель Ганджи Джавад хан и Мустафа хан ширванский посылали ему подарки, заявляя о своей готовности быть с ним в союзе и дружбе, ибо шаха, являвшегося могущественным врагом, уже не было в живых. Все ханы Азербайджана и прочих [мест], являвшиеся на протяжении длительного времени свидетелями могущества и величия Ибрагим хана, силы действия его распоряжений и

² В переводе А. Берже говорится, что было разграблено все их имущество.

¹ Мирза Адигезаль бек (указ. соч., стр. 87, 88) пишет, что отрезанную голову шаха доставил Белокан Мухаммед Рафи бек карабагский

² Мирза Адигезаль бек пишет, что Ибрагим хан голову шаха отправил в качестве подарка грузинскому валию

подчинявшиеся ему, прежде всего хотели расположить его в свою пользу и иметь с ним крепкую дружбу.

До прибытия Ибрагим хана делами Карабагского вилайета занимался Мухаммед бек.

После месячного пребывания Ибрагим хана в Белокане к нему прибыли правитель Аварии Умма хан и прочие предводители Дагестана с большим войском и припасами, [состоящими] из провианта и одежды, проявив достойные сану такого великого эмира чувства родства, любви и гостеприимства. И не только Ибрагим хану, его знатым сыновьям и бекам Карабага, но и ханам Шахсевана и сыновьям их беков было предложено все необходимое для их расходов и пропитания.

По истечении двух месяцев после прибытия Умма хана. [Ибрагим хан] с войсками и предводителями Дагестана и жителями Шахсевана и Карабага выступил из Белокана в Карабаг. Перед своим выездом он послал вперед Мехтикули хана, называвшегося тогда еще Мехтикули агою, с сыновьями нескольких карабахских беков, с тем чтобы они предупредили [возможное] противодействие и заставили население отбросить всякую мысль о неповиновении его превосходительству по прибытии последнего туда, а также, чтобы Мухаммед бек, будучи надменным юношей, завладев богатством и такими средствами власти, не предался искушениям сатаны и не вздумал послушаться и не говорил, что никого, кроме себя, не признает

Мехтикули хан совместно с сыновьями беков вступил в Карабах. Мухаммед бек, хотя внешне и выразил им любовь, болтал о своей преданности и говорил что [никогда] не слушается хана, но в душе мечтал о власти. Собрав вокруг себя всяких проходимцев, предателей и трусов, он намеревался захватить власть в свои руки, но Мехтикули хан в силу необходимости обходился с ним [вежливо]. Обличать его сразу не имело никакого смысла. Вникнув во все обстоятельства, как внутри крепости, так и в окрестностях ее, он сообщил об истинном положении дел хану и стал ждать его [распоряжений]. Получив это известие на берегу реки Куры, Ибрагим хан немедленно отправил старшего сына своего Мухаммед Хасан агу с пятьюстами лезгинскими воинами и военачальниками Карабага.

Мухаммед бек, услышав о приближении хана, вздумал переселить илатов Карабага и устроиться на берегу реки Аракс, с тем чтобы оттуда поднять мятеж против него. [Однако] когда Мухаммед Хасан ага дошел до горы Гире, расположенной в трех фарсах от крепости, где находились сторонники и воины Мухаммед бека, население Карабага, увидев агу и его войско, стало группами являться к нему и целовать ему руку. Собранные [Мухаммед беком] илаты оставались в степях и лесах. Он [Мухаммед Хасан ага] послал человека за Мухаммед беком. Вначале Мухаммед бек струсил, но затем, оправившись, явился к нему, поцеловал его руку и доверчиво остался при нем. Некоторые злоумышленники, совершавшие злодеяния в период правления Мухаммед бека, были им [Мухаммед Хасан агой] наказаны в присутствии самого Мухаммед бека. Между тем находившийся в крепости Мехтикули хан, по получении известия о прибытии аги и следовании его с войском мимо крепости, схватил ставленников своего двоюродного брата Мухаммед бека и заключил их в темницу.

Мухаммед Хасан ага успокоился сам и обнадежил илатов Карабага, разослав распоряжения во все магалы о том, чтобы все занимались своими делами. После этого, наконец, Ибрагим хан совместно с населением, войском, приближенными, Насир ханом и Ата ханом шахсеванским прибыл в Карабаг.

Глава, седьмая

О НЕКОТОРЫХ СОБЫТИЯХ, ИМЕВШИХ МЕСТО ПОСЛЕ УМЕРЩВЛЕНИЯ АГА МУХАММЕД ШАХА И ВОЗВРАЩЕНИЯ ИБРАГИМ ХАНА ИЗ БЕЛОКАНА В КАРАБАГ

В период, когда Ибрагим хан прибыл в Карабаг и взял в свои руки управление, жители вилайета и большинство илатов из-за голода, лишений и разрухи были рассеяны по вилайетам Грузии, Ганджи, Эривана, Ширвана и даже Рума, а все достояние и скот их были разграблены. Сопредельные ханы, хотя на словах и болтали о повиновении и дружбе, но в тайне искали лишь собственной выгоды, в их числе был Мустафа хан ширванский. [Например], когда Ибрагим хан находился в Белокане, он [Мустафа хан], боясь, что Селим хан, зять покойного Ибрагим хана, может вступить в управление Шекинским вилайетом и тем самым нанести вред его правлению,

пригласил старшего брата его [Селим хана] и помог ему взять в свои руки бразды правления Шеки. [Тем временем] Мухаммед бек, который был обнадёжен Мухаммед Хасан агою и не допытывая, как другие сыновья ханов из рода покойного Панах хана, никакого страха за свою жизнь, лишь по молодости лет и надменности спустился к берегам Куры и вступил в дружбу с Мухаммед ханом шекинским. Мухаммед Хасан хан обманул его и сказал: «Я слепой человек; меня довели до крайности распоряжения Мустафа хана. Приходи ко мне. Я выдам за тебя свою дочь и ты станешь правителем Шеки». Поддавшись соблазну, Мухаммед бек отвернулся от своих знатных родных, почтенного дяди и ушел к Мухаммед Хасан хану. Как только прибыл Мухаммед бек, Мухаммед Хасан хан схватил его и бросил в темницу. Он завладел всеми драгоценными камнями, деньгами и прочими вещами, которые были при Мухаммед беке.

Мустафа хан, старый кровник Мухаммед бека, убившего в отместку за своего отца его отца и брата, послал человека за Мухаммед беком и, приведя его к себе, умертвил его. Убив племянника Ибрагим хана, он вдвойне стал его врагом и из опасения начал вражду против Карабага. С другой стороны, и Мухаммед Хасан хан и правитель Ганджи Джавад хан также стали врагами.

В это время пришло известие о том, что Фатали шах, которого звали Баба хан сардаром, правивший Ширазом и вилайетом Фарс от имени Ага Мухаммед шаха, услышав об умерщвлении шаха, выступил оттуда, вошел в Тегеран, завладел казной и имуществом шаха и сел на престол. С другой стороны, названный выше Садых хан шегагийский, убежавший из Шушинской крепости, найдя Азербайджан без правителя, стал претендовать на власть. Собрав вокруг себя большое ополчение, он направился в сторону Ирака, намереваясь захватить Тегеран и освободить семейства, находившиеся там в качестве заложников.

Навстречу ему выступил Фатали шах, который одержал победу над Садых ханом и обратил его в бегство. Затем он отправил посла к Ибрагим хану с требованием трупа Ага Мухаммед шаха и выразил свое настоятельное пожелание о том, чтобы Ибрагим хан повиновался ему. Положение Карабагского вилайета было плачевным, а кругом все были врагами и недоброжелателями. [Поэтому Ибрагим хан] счел целесообразным установить с Фатали шахом хорошие отношения. Тело Ага Мухаммед шаха он с большими почестями отправил в Тегеран. Сочтя это поведение Ибрагим хана счастливым предзнаменованием, Фатали шах отпустил посланников с подарками, отправил Ибрагим хану халат и саблю, и, передав в его распоряжение Карадаг со всеми его доходами, выразил желание породниться с ним. Он говорил: «[Хан], в интересах спокойствия обеих сторон, должен считать свою дорогую дочь Ага бегим агу достойной нашего гарема; пусть она станет госпожой гарема нашего».

После совещания [это предложение] было принято. Шах отправил знатных ханов с ценными подарками за невестой и торжественно заключил брак с Ага бегим агою, сделав ее своей почтенной супругой и главою всего гарема. Сын Ибрагим хана Абульфат хан, называемый тогда Абульфат агою, был отправлен к шаху, который считал его одним из своих знатных эмиров. Сделав его [одним из] своих ближайших собеседников, он всегда оказывал ему большие почести. Ежегодно [на имя] Ибрагим хана и Мухаммед Хасан аги поступали от Фатали шаха различные подарки, халаты, сабли, кони с золотыми седлами и сбруями и пр. И это продолжалось до тех пор пока от имени его величества императора высокой Российской державы не прибыл в Грузинский вилайет командующий с войском и не утвердился полновластно в городе Тифлисе.

Поскольку Ибрагим хан еще тогда, когда у государственных деятелей России и в мыслях не было покорить Эриванский, Ганджинский, Ширванский и Карабагский вилайеты, питал чувства любви и преданности к милостивой [государыне] Екатерине и, имея желание [присоединиться] к вековечному Российскому государству, находился в дружественных отношениях с генерал-аншефом Зубовым во время прибытия [последнего в этот край] и даже до того, и по совету совету валия Грузии, с которым у него были дружественные отношения, направлял своего посланника совместно с посланником валия в Моздокскую линию к командующему, графу Гудовичу с выражением преданности и повиновения вековечному государству России, то и на сей раз он по прибытии командующего - высокого Российского государства в Тифлис написал письмо и послал к нему своего, посланника, с целью возобновить былую дружбу. После возвращения [в Россию] бывшего командующего и назначения командующим генерала Ковалевского он вновь отправил к нему посланника с подарками и выражением своей дружбы. Генерал Ковалевский оказал посланникам хана поистине большие почести. Он послал Ибрагим хану исключительно богатые подарки и проявил большую милость к нему.

Наконец, в Грузию прибыл главнокомандующий князь Цицианов¹. Поскольку его сиятельство командующий был человек энергичный и решительный он, не потерпев некоторых действий лезгин Джара и Талы и изменчивости правителя Ганджи Джавад хана, и решил, во имя спокойствия жителей Грузии, наказать лезгин Джара и Талы, а также Джавад хана. В конце 1803 года он пошел на Ганджинскую крепость и осадил ее. Целый месяц длилась осада. [В течение этого времени], он несколько раз посылал людей к Джавад хану, призывая его к повиновению его - императорскому величеству и сдаче крепости², но никакой пользы от этого не получилось. [Наконец], в последний день месяца рамазана, в ночь под праздник Фитр [разговенья], он штурмом захватил крепость³ Джавад хан с одним из своих сыновей Хусейнкули агой были убиты, а вся его семья попала в плен. Часть жителей города погибла, а остальные спаслись.

[Цицианов] отправил из Ганджинокой крепости к Ибрагим хану майора Лисановича с призывом повиноваться милостивому государю России.

Ибрагим хан дал господину майору желанный ответ и, оказав ему большие почести, вернул его с письмом, в котором выражал свое почтение.

Весною 1804 года правитель Эривана Мухаммед хан, опасавшийся Фатали шаха, и правитель Нахичевани Келбали хан, который убежав от Фатали шаха, также находился в Эриване, отправили посланца за помощью к командующему Цицианову. Они заявили: «Фатали шах приказал своему сыну и престолонаследнику Аббас мирзе покорить Эриван. Если командующий изволит прибыть [сюда] и окажет нам помощь, мы сдадим ему Эриванскую крепость и примем подданство высокого государства России».

Поэтому командующий Цицианов выступил в направлении к Эривану. С кызылбашской стороны подошел престолонаследник — набуссалтане со своим войском. В завязавшемся сражении кызылбаши были разгромлены⁴. Услышав эту весть, Фатали шах выступил сам, чтобы разбить князя Цицианова и не допустить того, чтобы Эриванская крепость досталась Российскому государству. С большим войском он вступил в Эриван. С одной стороны, Фатали шах, с другой — войска набуссалтане, а с третьей, — Мухаммед хан и Келбали хан, которые, нарушив обет, не сдали крепость командующему, окружили русские войска⁵. Они даже препятствовали доставке российскому войску провианта и пр. Но, несмотря на все эти трудности, чинимые русским войскам, они не смогли одержать победу над ним. Обе стороны понесли большие потери. Наконец, командующий решил вернуться и направился в Тифлис. Возвратился и Фатали шах. Он отошел в сторону Азербайджана и Тегерана.

Поскольку Фатали шах был осведомлен о поездке посланников Ибрагим хана к российскому командующему, он при возвращении из Эривана отправил Абульфат хана с пяти тысячным войском в Карабаг, к Ибрагим хану, с поручением оказать ему помощь и содействие, а Мухаммеда Хасан агу с сыновьями некоторых беков Карабага послать к нему [Фатали шаху]. Абульфат хан был облечен полномочием действовать от имени Ибрагим хана, оставаясь при нем до конца его жизни, следя за тем, чтобы в Карабаге ничего не совершалось без его [Абульфат хана] ведома и указания.

Такое предложение Фатали шаха обидело Ибрагим хана. Он написал грубый ответ Абульфат хану и потребовал, чтобы, не вступая в карабагскую землю, тот немедленно возвращался обратно. Абульфат хан не принял [во внимание] указания [своего] почтенного отца и двинулся вперед с кызылбашским войском. В то время Ибрагим хан и Мухаммед Хасан ага находились в селении Туг Дизакского магала. Туда же, к своему почтенному отцу и старшему брату, прибыл ночью Мехтикули хан, собравший в спешном порядке отважных стрелков по ту сторону горы и своих способных слуг. На следующее утро Абульфат хан со всеми своими людьми штурмом пошел на

1 Князь Цицианов прибыл в Грузию в феврале 1803 г. См. АКАК, т. III, д. № 1, стр. 4.

² См. «Письма кн. Цицианова к Джавад хану от 29 ноября и 9, 11, 26, 28, 29 декабря 1803 г.» (АКАК, т. II, д. № 1172, стр. 588; д. № 1175—1179, стр. 590—591).

³ Ганджинская крепость была взята на рассвете 3 января 1804 г. См. «Предложение кн. Цицианова Кавказскому гражданскому губернатору от 8 января 1804 г.», № 5 (АКАК, т. II, д. № 1182, стр. 592).

⁴ Сражение произошло 19 или 20 июня 1804 г., близ Эчмиадзина, где войска Цицианова отразили наступление многочисленной толпы персиян, предводимых сыном Баба хана. См. «Письмо кн. Цицианова эриванскому правителю Мухаммед хану от 22 июня 1804 г.», № 316 (АКАК, т. II, д. № 1231, стр. 615).

⁵ Это произошло после 2 июля 1804 г., когда российские войска осадили Эриванскую крепость (АКАК, т. II, д. № 1668, стр. 810, Ср. Мирза Адигезаль бек. Указ. соч., стр. 101)

селение Туг. Отважные стрелки и знатные всадники, находившиеся при [Ибрагим хане] и его сыновьях, пошли в наступление и, разбив наголову кызылбашское войско, захватили всех коней и выюнный скот их лагеря. Многие воины были схвачены и истреблены. Абульфат хан бежал на ту сторону Аракса. Услышав об этом, Фатали шах порицал и упрекал Абульфат хана и, желая мирным путем склонить на свою сторону Ибрагим хана и отвратить его от намерения вступить в подданство России, отправил к нему дву-трех ханов в качестве посланников. Лицами, прибывшими к Ибрагим хану с вежливым и милостивым указом и крепкими обещаниями и обязательствами, были: Керим хан, Рагим хан и Абдулла хан. [В послании] говорилось, что весь Карадагский вилайет со всеми его доходами, поступающими в казну, отныне передается в вечное пользование Ибрагим хану и его потомкам; двое из детей шаха будут находиться в Шушинской крепости, у Ибрагим хана, в качестве заложников. За это обе крепости Аскерана, расположенные в трех фарсах от Шушинской крепости, у дороги Тифлис—Ганджа, должны быть переданы [иранскому] войску, с тем чтобы оставляемые в них силы укрепили их и закрыли путь, по которому могут придти российские войска; далее, кызылбашскому войску должна быть предана река, протекающая в одном фарсах от крепости, с укреплением, расположенным в трех верстах от Шушинской крепости с тем, чтобы обе реки, переправы и дороги, ведущие к крепости, находились в руках кызылбашского войска, которое должно будет построить там крупные укрепления и загородить путь войскам Российского государства, если те вздумают напасть на Шушинскую крепость. Один из сардаров с двумя-тремя тысячами всадников должен находиться в Шахбулагы, осведомляться [о положении дел] в Тифлисе и Елизаветполе и совершать убийства и грабежи в тех районах. Все должны подчиняться распоряжениям Ибрагим хана и ни в чем не перечить ему. Все расходы кызылбашских войск будут оплачиваться из казны Фатали шаха. Никто не должен зариться даже на самую ничтожную вещь в пределах Карабагского вилайета. Все необходимое для войска должно приобретаться наличными деньгами. Цель такова, чтобы Шушинская крепость, являющаяся неприступным укреплением, оплотом, созданным богом, и вратами Грузии и Ширвана, не попала в руки войск Российского государства.

Хотя дочь Ибрагим хана Ага бегим ага была главной и любимой женой Фатали шаха, а [сын] Абульфат хан — почитаемым великим эмиром [при дворе], все же он [Ибрагим хан], веря в вековечность высокого Российского государства, в постоянство и справедливость императора и зная, что ничто не может изменить милосердие его величества, пренебрег Иранским государством и его милостями. Он вновь отправил посланника в город Тифлис к командующему Цицианову с просьбой встретиться и закончить составление условий [трактата] о подданстве.

Командующий князь Цицианов проводил посланника Ибрагим хана с большими почестями и подарками, известив, что встреча состоится весною в [одном из] окрестных [районов] вилайета. Поэтому Ибрагим хан первого мая 1805 года совместно со своими сыновьями, генерал-майором Мухаммед Хасан агой, генерал-майором Мехтикули агой, полковником Ханлар агой и прочими знатными людьми Карабага отправился к главнокомандующему князю Цицианову, прибывшему раньше их и расположившемуся лагерем у реки Курек.¹ Они отправили доверенное лицо к правителю Шеки Селим хану, приходившемуся зятем Ибрагим хану, и уговорили его явиться со знатными людьми Шекинского вилайета к главнокомандующему. Несколько дней продолжались пиршества и празднество на берегу реки Курек. Затем были составлены трактат и договор.

Ибрагим хан и правитель Шеки Селим хан приложили к трактату свои [именные] печати, а главнокомандующий подписал его.² Оказав друг другу большие почести и уважение, они вернулись [к себе]. Было условлено, что второй сын Мухаммед Хасан аги будет находиться в Тифлисе в качестве заложка. [Тогда же] Ибрагим хан попросил, чтобы одно соединение российского войска с орудиями постоянно находилось при нем в Шушинской крепости. С того же совещания командующий послал представление его императорскому величеству о производстве Ибрагим хана и Селим хана в генерал-лейтенанты, Мухаммед Хасан аги и Мехтикули хана — в генерал-майоры, а Ханлар агу — в полковники; через четыре месяца они удостоились этих наград и чинов с постоянным жалованием.

После возвращения с Курекчайского совещания майор Лисанович, согласно распоряжению командующего, с группой егерей и орудиями прибыл в Ханбагы, что находится в десяти верстах

¹ См. «Отношение кн. Цицианова к кн. Чарторийскому от 9 мая 1805 г.», № 298. (АКАК, т. II, д. № 1435, стр. 702). Ср. «Предложение кн. Цицианова генерал-майору Портнягину от 23 мая 1805 г.», № 605 (АКАК, т. II, д. № 1438, стр. 707).

² Трактат о вступлении Ибрагим хана в российское подданство был заключен 14 мая 1805 г., а Селим хана Шекинского — 21 мая того же года. См. АКАК, т. II, д. № 1436, 1437, стр. 705.

от крепости. В это время было получено сообщение о приближении кызылбашского войска к берегам Аракса. Было время паводка: сильно поднялись воды Аракса, и не было другой переправы, кроме моста. Поэтому Мухаммед Хасан ага, взяв с собой группу егерей, майора и знатных всадников Карабага, выступил против кызылбашского [войска], с тем, чтобы не дать ему возможности вступить в карабагскую землю и уничтожить илатов, деревни и посеы вилайета. Но кызыл-баши опередили их и, переправившись через мост, вступили в Карабаг. Близ садов Джабраилли они наткнулись на русских солдат и карабагцев. Завязалась большая битва. Мухаммед Хасан ага предпочел защитить Шушинскую крепость. Поэтому он ночью с войском вернулся в крепость. Кызылбашские войска вступили в Аг-оглан, что находится в четырех фарсах от крепости. Около пяти тысяч из их воинов подошли к крепости Аскеран, с тем чтобы с двух сторон приступить к захвату крепости. Об этих событиях майор написал командующему. К этому времени набуссалтане Ирана, остановившись в селении Чанахчи, ждал прибытия войска из Аскерана. Между тем около Шахбулагы показались полковник Карягин и подполковник Котляревский, выступившие на основании приказа главнокомандующего с войском и орудиями. Выступив из Чанахчи, набуссалтане пошел против полковника Карягина. с боями он дошел до окрестностей Аскерана.

Поскольку все дороги в крепость Аскеран были захвачены и укреплены кызылбашскими войсками, вследствие чего [русские] войска и артиллерия не могли продвигаться вперед, они [русские] укрепились в этом районе. Эта группа российского войска в течение одиннадцати дней сражалась днем и ночью со всеми кызылбашскими войсками; притом и вода находилась далеко от укрепления русских.

Несмотря на то, что оба [командира], как полковник, так и Котляревский, были ранены, а половина русских воинов была убита или ранена в боях, они со своими солдатами, численностью примерно в триста человек, взяли все пушки и с [помощью] Вани юзбаши [старосты], нынешнего Мелика Вани, который был их проводником и оказал им большие услуги в том походе, повернули обратно.

Для того, чтобы российское войско не могло войти в крепость Шахбулагы, кызылбаши держали там много пехотинцев. Но, несмотря на это, русские в ту же ночь приступом взяли ее у кызылбашского [войска], убив одного хана и несколько человек из кызылбашских [воинов]. Пробыв там три дня, они, опять [с помощью] проводника Мелика Вани, ушли в Ганджу.

[В это время] сам Фатали шах со всеми кызылбашскими войсками прибыл в Карабаг и разбил лагерь в шести фарсах от города Шуши, а набуссалтане Аббас мирза после ухода полковника Карягина в Ганджу расположился лагерем около Шахбулагы. Между тем главнокомандующий Цицианов вступил в карабагскую землю, намереваясь отразить наступление набуссалтане и Фатали шаха. Набуссалтане с войсками, находившимися в его распоряжении, пошел на Тифлис, чтобы опустошить и ограбить Грузию, а Фатали шах оставался в районе Аг-оглана.

В это время Фатали шаху пришло сообщение из Решта, о том, что войска Российского государства по Каспийскому морю двинулись в сторону Тальшского вилайета и Решта. Это сообщение, а также весть о приближении командующего Цицианова вынудили [шаха] отойти в сторону Ардебилля.

Командующий Цицианов продвинулся до Хонашина, что находится в двух фарсах от Аг-оглана, где и узнал об уходе шаха. Затем он прибыл в Шушинскую крепость, откуда, наладив кое-как дела и взяв с собой трех кызылбашских ханов, прибывших к Ибрагим хану в качестве посланников с указанными выше условиями и обязательствами, вполне удовлетворенный и сопровождаемый почетом направился в Тифлис.

Зимой того же года он [Цицианов] с войсками высокого государства переправился через Куру в сторону Шеки, намереваясь овладеть Ширваном, Баку, Кубой и Дербендом. Ибрагим хан, в знак искренней своей преданности высокому государству России, выслал к командующему своего почтенного сына Мехтикули агу с карабагским войском и некоторыми сыновьями беков, с тем чтобы они совместно с войсками государя исполняли возложенные на них обязанности.

Находившийся в [полном] повиновении высокому государству шекинский правитель Селим хан проводил командующего с должными приготовлениями и подобающими преподношениями через Шекинский вилайет до границ Ширванского вилайета.

Хотя вначале Мустафа хан, полагаясь на неприступность своего местоположения, а также на свою мощь и состояние, отправлял в течение нескольких дней грубые ответы командующему, отказываясь от повиновения, однако впоследствии, видя, что ему не устоять перед столь крупным войском России и войсками Карабага и Шеки, а также, что карабагские войска, пользуясь случаем,

начинают грабить деревни Ширвана, стал, по совету Мехтикули хана и Селим хана, поговаривать о покорности и повинении. Подписав такой же трактат, который был написан покойным Ибрагим ханом и Селим ханом, он внешне принял подданство высокого государства.¹ Главнокомандующий прошел через Ширван и направился в сторону Баку.

В это время приобщился к милости божьей подверженный болезням старший сын Ибрагим хана генерал-майор Мухаммед Хасан ага. Вследствие этого весьма прискорбного события осложнились и расстроились дела Карабагского вилайета. Некоторые люди, недовольные в душе вступлением [Карабага] в подданство высокого государства, пользуясь смертью покойного Мухаммед Хасан аги, нахождением Мехтикули аги вдали от вилайета, а также болезнью, слабостью и преклонными годами Ибрагим хана, стали совершать действия, противные положениям договора и трактата. Поэтому главнокомандующий счел необходимым вернуть Мехтикули хана с карабагским войском [к отцу] и отправил его с большими почестями, достойными подарками и надеждами в Карабаг. Питая особое уважение и любовь к покойному генерал-майору Мухаммед Хасан аге, он выразил свое глубокое сожаление и грусть по поводу его кончины и написал письмо, в котором высказал исключительную любовь и сочувствие господину полковнику Джафаркули аге, обещая ему свои милость и покровительство. Прибыв с войсками и сыновьями беков Карабага к своему почтенному отцу, генерал-майору Мехтикули хан передал ему любезные послания и обещания главнокомандующего и приступил к устранению и подавлению злоумышленников. Он старался укрепить веру и преданность [народа] высокому государству.

В это время пришло известие о переговорах главнокомандующего в Бакинском вилайете. Вовсе не подозревая, что Хусейнкули хан и его подданные могут совершить такое тяжкое преступление, командующий с двумя сыновьями беков, состоящими в его свите, отправился для переговоров туда, где в засаде сидел некий Ибрагим бек с двумя другими лицами, которые выстрелом из ружья убили главнокомандующего и его спутников, открыв тем самым врата неприязни и вражды пред царским войском. Это горестное сообщение сильно опечалило Ибрагим хана, его детей и население вилайета, ибо они еще не знали порядков, [существующих] в российском государстве. Они думали, что там такой же порядок, как в Иране, где если умрет человек, подобный главнокомандующему, то от этого сильно расстроятся дела армии и вилайета. В действительности же [в России] смерть даже нескольких командующих и полководцев в войне с врагами нисколько не нарушит ни твердого порядка в армии, ни внутренних дел вилайета [страны].

После кончины командующего Цицианова генерал Несветаев приступил в городе Тифлисе к ведению дел войска и вилайета [края]. Посланец Ибрагим хана отправился к генералу с письмами, выражавшими преданность его [к России]. Во всех отношениях была достигнута [полная] уверенность.

Весною того же 1806 года кызылбашское войско вновь стало переправляться [через Аракс] в Карабаг. Тайно были посланы люди к Ибрагим хану, чтобы уговорить и обнадежить его [со стороны Ирана]. Для оказания сопротивления столь, сильному врагу в Карабаге не было никакого войска, кроме отряда егерей майора Лисановича. Илаты и деревни Карабага могли быть растоптаны [вражескими войсками], и помимо того, наступило время жатвы хлебов. Поэтому Ибрагим хан счел нужным внешне быть обходительным с кызылбашами, ставя обо всем в известность майора. Майор же твердо уверял его, что скоро придут войска высокого государства России. Но в действительности прибытие их сильно запоздало. [Между тем] кызылбашские войска подошли к крепости на два фарсаха. [Тогда] Ибрагим хан переселил свою семью, находившуюся в Ханбагы, в местность близ крепости². Некоторые злонамеренные люди так наклеветали на него майору, что последний ночью с отрядом воинов отправился к его жилищу, где по злой воле рока и был убит Ибрагим хан вместе с некоторыми членами своей семьи и приближенными лицами¹

¹ Трактат о вступлении Мустафа хана Ширванского в российское подданство был заключен 25 декабря 1805 г. См. «Всепопданнейший рапорт кн. Цицианова» от 27 декабря 1805 г., № 51 (АКАК, т. II, д.) 1366, стр. 674).

² В переводе А. Берже сказано, что Ибрагим хан выехал с семейством в Ханбагы и расположился лагерем в недалеком от него расстоянии.

¹ Сын автора, Ризакули об этом событии дает более подробные сведения и указывает, что в ту ночь было убито семнадцать человек, а именно: Ибрагим хан, жена его Туба ханум, дочь Салтанат бегим, двенадцатилетний сын хана, Аббаскули ага кебирлинской, Гаджи Хачан, Али бек, Мирза Ахверди, Гуммет бек, гарвендский, сыновья Гюлумали бека

Находившиеся тогда в крепости генерал-майор Мехтикули хан и полковник Джафаркули ага, не предпринимая никаких действий, противоречащих правилам преданности высокому государству, старались водворить спокойствие среди взволнованного населения. Они не только ни в чем не перечили майору, а наоборот, даже старались заготовить для [русских] войск продовольствие, в котором тогда ощущался большой недостаток. Лагерь кызылбашского войска [во главе] с набуссалтане Аббас мирзой находился тогда в Аг-оглане. Не прошло и пятнадцати дней после трагического случая с покойным Ибрагим ханом, как в Шахбулагы появились войска с пушками русских под начальством генерала Небольсина. Как только весть об этом дошла до Мехтикули хана, он тут же вышел из крепости совместно со знатными карабагскими всадниками, слугами и некоторыми сыновьями беков и, несмотря на то, что всюду в окрестностях и на дорогах двигались кызылбашские войска, прибыл к генералу Небольсину и, присоединившись к войскам Российского государства, разбил лагерь близ Аскеранской крепости. Полковник Джафаркули ага совместно с майором и отрядом егерей остались в крепости для ее защиты.

Генерал Небольсин два—три дня оставался там, ожидая наступления иранского набуссалтане с кызылбашским войском, но от них не было никаких известий. Тогда было решено выступить против кызылбашских войск и воевать с ними, если те на то пойдут, в противном же случае выгнать и удалить их из карабагской земли.

Узнав, что войска России двигаются в его сторону, набуссалтане со всеми своими войсками выступил им навстречу. Оба войска сошлись близ Хонашинского привала, где и разгорелся огонь сражения. Мехтикули хан со своими приближенными и карабагским войском, постоянно содействовавший [армии] в пути, и в момент битвы также принимал активное участие в разгроме и изгнании кызылбашских [войск]. В сражении, длившемся около семи часов, в день пятнадцатого июля у Хонашинского привала кызылбашские войска потерпели поражение. Часть из них была перебита, часть попала в плен, а [остальные] бежали в сторону Аракса. Котляревский получил ранение. Около тридцати человек офицеров и солдат было убито и ранено. Генерал стал с войском преследовать врагов до Гозлучая, но и следов их не нашел. Обратившийся с кызылбашским войском в бегство набуссалтане, бросив [по пути] большую часть тяжелого обоза, в течение двух дней переправлялся через Аракс на ту сторону границы. Как только пришла весть о поражении кызылбашей, полковник Джафаркули ага, взяв с собою майора Лисановича, знатных всадников Карабага и своих приближенных пустился [в путь] по направлению к Зангезурскому магалу, чтобы подавить кызылбашских воинов и вернуть всех илатов и жителей некоторых деревень, которых гнали в сторону Нахичевана и Ордубада Абульфат хан совместно с другими ханами и беглыми беками Карабага. Напрягая все силы, они шли и днем и ночью, нигде не останавливаясь. Пешим солдатам было трудно передвигаться в горах, и поспевать [за конницей]. Наконец, карабагская конница во главе с полковником Джафаркули агой настигла кызылбашское войско близ гор Кафана и Ордубада, первой начала бой и в тесных ущельях разбила примерно двухтысячное конное и пешее кызылбашское войско. Они захватили множество людей, отняли у них коней, одежду и все, что они имели при себе. Когда же прибыли солдаты, часть кызылбашского войска уже была захвачена в плен, а другая — обращена в бегство. Угнанные илаты и жители Карабага были возвращены на свои места, в горные [районы], расположенные близ крепости. В это время набуссалтане находился у берегов Аракса.

Победа, одержанная войсками генерала Небольсина и Мехтикули ханом над набуссалтане, а также операция, проведенная майором и полковником Джафаркули агою, успокоили жителей Карабага. Обнаружилась сила царских войск. Каждый обосновался на своем месте и стал жить в полном спокойствии.

Зимой того же года прибыл в Тифлис генерал-аншеф граф Гудович, которого его величество император Александр Павлович назначил командующим. Письма Мехтикули хана были уже отправлены генерал-майором Несветаевым с личным его прошением его величеству императору. Поэтому [Гудович] вызвал его [Мехтикули хана] к себе в Тифлис. Мехтикули хан со всеми старостами [деревень], беками илатов и прочими отправился в Тифлис. На другой день после свидания с графом был дан большой бал, где [граф] вручил Мехтикули хану грамоту на управление Карабагом, обещая [вручить также] саблю, украшенную драгоценными камнями, и царское знамя, следовавшие ему по договору. [Затем] он отправил его обратно в Карабаг, обещая оказать ему всяческие милости. История правления Мехтикули [хана] с указанной даты по октябрь 1822 года известна Вашему сиятельству по записям чиновников высокого государства в журналах, [поэтому] в моем описании нет нужды.

Глава

О СОБЫТИЯХ, ИМЕВШИХ МЕСТО СО ВРЕМЕНИ ПЕРЕХОДА ЭТИХ ВИЛАЙЕТОВ ПОД ВЛАСТЬ И ЗАЩИТУ ЧИНОВНИКОВ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА

Несмотря на большие потери, нанесенные им в голды: вражды с Иранским¹ государством, деятели Иранского государства и после того, в 1826 году, нарушили договор о дружбе и союзе, заключенный с вековечным государством России. Выслав обратно его сиятельство князя Меньшикова, ездившего в качестве посла в Иранское государство, они [иранцы] внезапно вторглись в вилайеты, принадлежавшие Российскому государству. Но их представления были ошибочными. Они не знали, что им не устоять перед царскими войнами и что во время движения войск Российского государства они погибнут как соломинки в бушующих волнах моря.

В первый период [войны] набуссалтане со всеми [своими] войсками пошел на Шушинскую крепость и осадил ее. Несмотря на малочисленность войска, находившегося под начальством генерала Реутта, недостаток продовольствия, пороха, снарядов, пушек и прочего он [набуссалтане] не смог в течение всей, полуторамесячной осады со своим крупным войском и артиллерией приблизиться к стенам Шушинской крепости. Когда же он услышал о поражении Амир хан сардара, которое было нанесено силой оружия царских войск под начальством генерала, князя Мадатова в Шамхоре, он был вынужден [снять осаду] крепости и уйти оттуда. Намереваясь сразиться с царскими войсками, находившимися под начальством светлейшего князя, графа Паскевича-Эриванского, он дошел до окрестностей Елизаветполя, но не сумев устоять более одного часа, потерпел поражение. Переправившись через Аракс в течение двух дней, он ушел в Карабаг. Главнокомандующий преследовал их до Черкесского привала, но не обнаружил ни одного кызылбашского воина.

Хотя и в действительности сила оружия победоносного царского войска была известна всему народу, но она особо проявилась в [18] 31 году, когда его сиятельство светлейший и граф Паскевич-Эриванский был главнокомандующим и главноуправляющим в этих вилайетах. Показав силу войск его императорского величества населению государства Ирана и Рума [Турции], он успокоил рассеянных и разоренных жителей вилайетов, принадлежавших высокому государству России. Те из жителей вилайетов и именитых людей, которые, отчаявшись, побросали свои обжитые места, имущество и находились в бегах, бесконечными милостями его величества императора были прощены. Сочтя их вину ничтожной в сравнении с огромной милостью его величества императора, он всем обещал прощение и вернул на свои прежние места.

Слава аллаху, что все они, как и другие люди, вновь вступили во владение своими поместьями и имуществом и живут себе тихо и спокойно. Выражая свою признательность, они ждут призыва, чтобы служить самоотверженно совместно с войсками высокого государства, ибо те карабагцы, которые участвовали совместно с победоносными царскими войсками в иранском, румском и дагестанском походах, добились высоких чинов и жалованья, и никто не оставался без награды.

КОНЕЦ КРОМЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Питаю надежду, что записи преданного [слуги], служившего с 1205 [1790/91] по 1260 [1844] мусульманский год каргузаром при ханах Карабагского вилайета и участвовавшего в большинстве из описанных событий и войн, представленные светлейшему взору князя-наместника, приумножат его милость и благорасположение. Уповаю на милость великого эмира и высокопоставленного наместника, всегда радовавшего своего преданного [слугу], что он не соблаговолит забыть [меня]. И поистине, всякому надобно служить ему и быть доброжелателем его. Он всех своих преданных слуг наделяет милостью. Единый бог всегда доволен доброжелателями, всегда обрадует и очастливит их. Аминь! О, помогающий [аллах!].

Лучше, чтобы от человека осталось доброе имя, чем золотой дворец.

¹ В рукописи явная ошибка: вместо «Иранским» следует «Российским».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕЗЮМЕ

Поскольку эти страницы, заключающие в себе описание истинного положения Карабагского вилайета и правлений Панах хана и Ибрагим хана, мною посвящены великому эмиру, источнику щедрот, милосердному наместнику его величества императора, князю, графу Михаилу Семеновичу Воронцову, то хочу в заключение благословить его имя следующим стихотворением, написанным мною в Карабаге в честь его прекрасных качеств, благородства и величия.

Посвящается тому, кто известен своей милостью,
Он — граф, князь Воронцов.
Все свое время он посвятил
Службе великому хагану [императору].
Кто с надеждой придет к его порогу,
Того с милостью проводит обратно.
О боже! Да приумножится его могущество и счастье,
Да станет он в мире вечно радостным и веселым.

[Описание] событий закончено в 1294 [1875]¹ году.

Глава

О ПРАВЛЕНИИ ХАНОВ

Правление Панах хана в Карабахском вилайете после присвоения ему титула хана и правителя и получения грамоты на правление от Адиль шаха, брата покойного Надир шаха, длилось двенадцать лет. Правление же Ибрагим хана продолжалось более сорока четырех лет. Покойный Мехтикули хан правил Карабагом, согласно грамоте его величества императора, семнадцать лет и несколько месяцев.

Глава

О ПАМЯТНИКАХ И ЗДАНИЯХ, ВОЗДВИГНУТЫХ ПОКОЙНЫМ ПАНАХ ХАНОМ В КАРАБАГЕ

Первое - крепость Баят, базар, баня, стены и здания, построенные из обожженного кирпича. Ныне разрушена [крепость], можно увидеть лишь незначительные остатки.

Второе — крепость Шахбулагы, мечеть у родника, баня, городские здания и базар, построенные из камня и известняка.

Третье — стены бывшей Шушинской крепости и здание, ныне [используемое] под склад зерна для войск.

Глава

О ПАМЯТНИКАХ И ЗДАНИЯХ, ОСТАВШИХСЯ ОТ ПОКОЙНОГО ИБРАГИМ ХАНА

Первое — большая соборная мечеть, построенная в 1182 мусульманском [1768/69] году. Позднее, когда она пришла в ветхость, была восстановлена почтенной дочерью его, покойной Гёвхар агою и [стала] красивее прежнего.

¹ Очевидно, это — дата переписки.

Второе — стены Шушинской крепости, построенные в 1198 [1783/84] мусульманском году. Строительство длилось три года. Ныне государственные служащие восстановили их. В некоторых местах остались следы ханских [стен].

Третье — обе крепости Аскерана, построенные в 1203 мусульманском [1788/89] году между двух гор, через которые протекает река Гаргар. Если во время войны в этих крепостях будет находиться [даже] малочисленная пехота, то враг не сможет пройти мимо них в сторону Шушинской крепости.

Четвертое — здания и комнаты среди гор, в ущелье Хази не, построенные в пещере из камня и извести. Туда ведет [лишь] одна дорога.

Пятое — здания Ханбагы, что находится в одном фарсах от [Шушинской] крепости.

Шестое — стены Агдамского сада, с крупными куполами над могилами покойного Панах хана и его детей, и каналы.

Глава

О ПРАВИЛАХ И ПОРЯДКАХ, СУЩЕСТВОВАВШИХ ПРИ ЕГО ПРАВЛЕНИИ

Все илаты Карабага, отмеченные в журналах и списках, входили [в состав] конного войска. При надобности из магалов и деревень являлись в войско пешие стрелки с медиками магалов. С илатов никаких тоуджи¹ и малджахат² с урожая не взимались, а с магалов и деревень ежегодно взysкивались малджахат и тоуджи. Но временами, когда приводилось лезгинское войско из Дагестана, то для выплаты жалования ему и замены павших или пропавших их коней и с илатов также взимались тоуджи, зерно, овцы и крупный скот. С семейств, занесенных в журнал учета нукеров и войска, а также с жителей, [зачисленных в состав] нукеров и войска, ничего не взималось: они были освобождены [от налога]. Корм для их лошадей, а также другие их принадлежности выдавались за счет господина хана. Каждый нукер [и] воин был прикреплен к определенному дому, который устраивал дела, [удовлетворял потребности] нукера или всадника.

Глава

Ежегодно, в день, праздника Новруз всем знатным военачальникам, воинам, тысячникам от имени хана выдавались халаты, подарки, конь и сабля. Каждый, соответственно своему сану, приносил подарки из вилайетов Азербайджана, а, мелики из магалов.

Глава

Когда Ибрагим хан был в походе или стоял где-либо лагерем, большинство из находившихся при нем тысячников, сотников, беков, агаларов, а также некоторые воины, рабочие, секретари, эшикагасы, стражники и есаулы завтракали, обедали и ужинали из кархана [общей кухни] хана. [Из ханских же запасов] выдавался ячмень для их лошадей. Часто по вечерам, кроме живых овец, выдаваемых тысячникам и другим, в кухне покойного хана расходовалось около сорока пудов риса и тридцать овец. Отсюда можно определить размер расходов на печеный хлеб, ячмень для коней, масло и сладости.

Глава

О ДОХОДАХ ИБРАГИМ ХАНА

Доходы Ибрагим хана состояли из малджахата, собираемого [натурой] с урожая хлебов, коконов и [различных] посевов, [а также] плугов, принадлежавших лично хану. Помню, как-то однажды при подсчете оказалось, что у хана столько скота и плугов, сколько у всего населения Карабага, вместе взятого, и даже на две пары больше чем у него.

¹ Тоуджи — подать, налог

² Малджахат — рента, налог 1/10—3/10 урожая, которую крестьяне обязаны были отдавать в казну или феодалу

Все это зерно и малджахат расходовались на нужды войска, кухни, гарема, нукеров, рабочих и гостей. Много дохода, как наличными, так и натурой, поступало также от аренды, преподношений, налогов [с населения] Карабага, монетного двора и подарков присылаемых из вилайетов Азербайджана.

О ХАРАКТЕРЕ И ПОВЕДЕНИИ ПОКОЙНОГО ХАНА

Покойный Ибрагим хан был человек гостеприимный, помогал чужеземцам, покровительствовал сиротам, заботился о [своих] подданных. [Он был] энергичным, отважным и щедрым [и], будучи благотворителем, раздавал пожертвования крупным сеидам, бедным, всячески покровительствовал улемам и сеидам. Он помогал всем, кто искал у него убежища. Ханы и беки окрестных [районов] и вилайетов Азербайджана, Ширвана и пр. пользовались его благорасположением, и «он старался угождать им и удовлетворять их желания. Он имел большое пристрастие к обществу красивых женщин.

Глава

О ТАБУНЕ [ИБРАГИМ ХАНА]

Господин хан держал такой прекрасный табун, состоявший из хороших коней и [прочих] четвероногих, что слава о нем гремела во [всех] вилайетах Ирака и Рума. Большинство лошадей покойного хана было из табуна и крови коней покойного Надир шаха, приобретенных из вилайетов Азербайджана, Шахсевана, Шегаги и у ханов Хорасана. Тут содержались около трех—четырёх тысяч кобыл и соответственное число чистокровных производителей. Число же овец, коров и буйволиц было настолько велико, что не поддавалось учету.

Глава

О КАРГУЗАРАХ [ИБРАГИМ ХАНА]

Каргузары покойного Ибрагим хана, его братья и племянники, его дети и двоюродные братья были известные беки. Каждый из них по своему состоянию, количеству нукеров и великолепию был равен ханам других вилайетов. Из них Мирза Али бек был сыном его дяди, а Лутфали бек — сыном тетки по отцу. Фези бек, Абуссамед бек, Гюлмали бек и Гумметали бек были сыновьями его брата. Мехрали бек и Ибрагим хан были детьми Панах хана. Беки илатов Джебваншира, Отузики, Кебирли, Демирчи-Хасанлы, Баргушата, Гарачурлу, Хаджи Самлы, Кёлань и Кафана, а также и мелики магалов Дизака, Варанды, Чилиябурда, Тальша и Хачина, подобно, ханам некоторых вилайетов, были состоятельными и могущественными. Известностью пользовались также и другие беки, которых он воспитал и за отвагу, [хорошую] службу и преданность дал состояние и райятов.

Глава

О РАБОТНИКАХ И КАРГУЗАРАХ ЕГО ДОМА И УПРАВЛЯЮЩИХ ДЕЛАМИ ЕГО ВЛАДЕНИЯ

Первым из них был покойный Ахунд Молла Панах под псевдонимом Вагиф, пользовавшийся известностью и популярностью как мудрый и опытный везир. Большой славой он пользовался также и в Иране и Руме. Его прекрасные тюрские стихи и по сей день на устах народа. И все другие его каргузары, эшикагасы, надсмотрщики и прочие работники были способными, красноречивыми людьми. После истории с Агой Мухаммед шахом, расстройств дел и раскола, имевших место в Карабагском вилайете, эти известные и почтенные личности и большинство работников и каргузаров покойного Ибрагим хана погибли.

Глава

[О ЗНАТНЫХ ПОТОМКАХ ХАНА]

Старшими, знатными сыновьями покойного Ибрагим хана, которые приобщились к божьей милости еще при жизни самого хана, были Джавад ага и Мухаммед Хасан ага, родившиеся от одной матери, дочери [одного из] беков Джебраила. После покойного хана [умер] полковник Ханлар ага, а Абульфат хан скончался в Иране. Затем [умерли] подполковник Мухаммед Гасан ага, Фатали ага, Сулейман ага, Хусейнкули ага и Сефикули ага.

Ныне здравствует в Карабаге: генерал-майор Мехтикули хан, обладатель ленты и пера, украшенных драгоценными камнями, и Ахмед хан. Оба рождены от ханских дочерей; Шейх Али ага родился от служанки.

Из дочерей покойного Ибрагим хана ныне здравствуют в Карабаге: Гёвхар ага, рожденная от дочери знатного грузинского тавада¹, и Иззет бегим, родившаяся от дочери Мирза Раби, везира грузинского валия. Поскольку валий Грузии Ираклий хан всегда стремился к союзу и дружбе с Ибрагим ханом, то он, ввиду того, что различие религий не позволяло ему [непосредственно] породниться с ним, выдал трех дочерей своего везира за хана и двух его сыновей, Абульфат хана и Мухаммед Гасым агу, дабы таким путем укрепить узы [дружбы] и любви.

Глава

О ТОМ, ПОЧЕМУ МЕХТИКУЛИ ХАН СТАЛ НАСЛЕДНИКОМ И ПРЕЕМНИКОМ [ИБРАГИМ ХАНА]

Во [время] первой встречи Ибрагим хана с командующим Цициановым на [берегу] реки Курек наследником был назван старший сын Ибрагим хана Мухаммед Хасан ага, второй же сын был передан командующему Цицианову в качестве заложника². Поскольку генерал-майор Мухаммед Хасан ага умер еще при жизни Ибрагим хана, то самым старшим из сыновей хана остался генерал-майор Мехтикули хан. [Поэтому] грамота, утверждающая Мехтикули хана в качестве наследника и преемника, была засвидетельствована печатью Ибрагим хана и прочих знатных лиц Карабага и вручена Мехтикули аге при жизни самого Ибрагим хана. [После этого все] стали звать его ханом и наследником. После смерти Ибрагим хана майор Лисанович написал [обо всем] генерал-майору Несветаеву и в 1807 году была издана грамота его величества императора Александра Павловича о назначении Мехтикули хана правителем Карабага с титулом хана и пожаловании ему знамени и сабли, украшенной драгоценными камнями.

События времени правления покойного Мехтикули хана изложены в журналах каргузарами высокого государства; они известны вам и нет надобности в том, чтобы были сообщены и изложены мною.

КАРАБАГ

Сочинение Джемалья-Джеваншира-Карабаги

Предисловие переводчика

Едва ли о какой-либо части Закавказского края писано менее, нежели о Карабаге;³ все сведения об этой мусульманской провинции ограничиваются лишь небольшими статейками, разбросанными в периодических наших изданиях, и не представляют собою ничего целого и связного⁴. Вот главная причина, побудившая меня перевести рукописное историческое сказание Мирзы Джемалья Джеванширского о Карабаге, хотя далеко не удовлетворительное, но тем не менее интересное. Все повествование это обнимает собственно период правления Панах-Хана и сына его Ибрагим-Хана и доводится до последней войны нашей с Персией.

¹ Тавад — князь.

² В переводе А Берже говорится, что в качестве заложника должен был отправиться сам Мухаммед Хасан ага.

³ Карабаги — в буквальном переводе «Черный сад».

⁴ В газете «Кавказ» была только одна небольшая статья о Карабаги, и именно в № 100 за 1850 г.

Особый интерес приобретает это сочинение при мысли, что оно написано образованным туземцем (русским подданным), имевшим у себя источниками все дела по управлению Карабагом при ханах и, кроме того, устные предания и рассказы стариков, бывших, так сказать, свидетелями всей немногосложной и недревней истории Карабага. Одним из этих свидетелей был сам Джемале, или Джемаль.

Вот краткая биография этого замечательного человека¹.

Мирза Джемаль-Бек родился в Дизаке, в Джеванширском участке, в сел. Хаджалу, и был сыном Мухаммед-Хан-Бека, сына Салиф-Бека-Минбашия, сына Шериф-Бека Дизак Джеванширского. После смерти Салиф-Бека, Мухаммед-Хан-Бек сделался главою Джеваншира и имел преемником по себе Салиф-Бека, который назначен был в это достоинство Ибрагим-Ханом, пожаловавшим ему грамоту и знамя. Отец же его, Мухаммед-Хан-Бек переведен был комендантом в Шушу. Он родился, согласно мусульманскому летоисчислению, в 1187г.х.; учился персидскому и турецкому языкам, в 1202 году хиджры, сделавшись секретарем Ибрагим-Хана, занимался всеми письменными делами, касавшимися Карабага, а потом был управляющим у жены его Бике-Ханум, сестры дагестанского владетеля Умма-Хана. Во время исправления этой должности Мирза-Джемаль послан был в дер. Хонзак (Хунзах?), где прожил целые шесть лет. У тамошних ученых он учился арабскому языку. После убиения Ага-Мухаммед-Шаха он вместе с Бике-Ханум прибыл в Карабаг, в кр. Шушу. Ибрагим-Хан помнил заслуги Мухаммед-Хан-Бека во время нашествия Ага-Мухаммед-Шаха и осады им крепости Шуши; он помнил, что Мухаммед-Бек, собрав всех жителей своего селения близ дер. Тук, в Верендэйском округе, не переставал тревожить персидское войско и наносить ему все возможные ущербы. Когда же, после убиения шаха, Ибрагим-Хан был извещен через родственников Мухаммед-Бека об этом обстоятельстве, и когда, наконец, Мухаммед-Бек собрал весь карабагский народ, разбежавшийся во все стороны, ввел всеобщий порядок и восстановил некоторым образом спокойствие в своем отечестве, тогда, за все эти заслуги, Ибрагим-Хан сделал сына его Мирзу-Джемалья (нашего автора) своим доверенным лицом и назначил его секретарем своим и визирем всего Карабага.

Мирза-Джемал находился после того при Ибрагим-Хане во время заключения последним трактата с князем Цициановым; а после смерти его состоял при генерал-майоре Мехти-Кули-Хане, утвержденном высочайшим приказом государя императора Александра Павловича в ханском достоинстве. Когда же Мехти-Кули-Хан перешел в Персию, главнокомандующий генерал Ермолов назначил Джемалю пенсию в 510 р. с. и, кроме того, 20 четвертей пшеницы и 5 четвертей рису ежегодного дохода.

В 1822 году, когда генерал А. П. Ермолов был в Карабаге и к нему являлись все служащие при Мехти-Кули-Хане, Мирза-Джемаль, представив главнокомандующему все свои аттестаты, свидетельствовавшие верную и беспорочную его службу, был назначен мирзою в учрежденной там канцелярии и исправлял должность эту при Ермолове, П. И. Могилевском, кн. Мадатове и генерал-лейтенанте Реуте, как человек лучше всех знакомый с Карабагскою провинцией и тамошним народом. Службу свою при упомянутой канцелярии Мирза-Джемаль продолжал до 1840 года.

Особенно замечательные заслуги его правительству нашему были следующие. В 1805 году, в персидскую кампанию, Мирза-Джемаль состоял в распоряжении генерал-майора Мухаммед-Гасана-Аги, командовавшего милициею и состоявшего под непосредственным начальством генерал-лейтенанта Небольсина; в 1806 году он находился под начальством того же генерала во время дела с Аббас-Мирзою при дефиле Ханашине; а потом ходил с ним в Нахичевань, откуда отправлен был к графу Гудовичу на эриванскую границу. Таким же образом он состоял при генерале Котляревском в Аг-Оглане, где ему поручено было заготовление провианта для всех войск.

Весь этот период служебной деятельности как самого Джемалья, так и всех его родственников, число которых восходило до ста человек, отличался постоянною преданностью и верностью нашему правительству.

В 1826 году, во время похода князя Мадатова в Мушкин и Карадаг, Мирза-Джемаль успел при помощи своего племянника Керим-Бека, переселить из Персии в Дизак целое селение Сеид-Ахмедлу.

Наконец в 1840 году Мирза-Джемаль, уже преклонных лет, вышел в отставку.

¹ Биографические сведения о Джемале Джеванширском сообщены мне уважаемым Мирзою Фет-Али-Ахундовым, входившим, по просьбе моей, в переписку по этому предмету с сыном Джемалья. *Примеч.. переводчика*

В последствии Мирза-Джемало было прекращено производившееся ему содержание, а потом при наместнике кавказском, светлейшем князе Воронцове, предоставлено было ему пользоваться доходами с селения Карга-базар — право, которое по настоящее время удерживают его наследники. Кроме арабского, персидского и турецкого языков, Мирза-Джемаль знал лезгинский и аварский языки, имел сведения в астрономии и прекрасно знал историю и географию. Зная также медицину, он, по увольнении в отставку, до конца своей жизни безвозмездно пользовал больных, чем заслужил особенное уважение народа.

Способности и память его были замечательны. Он писал стихи на арабском и персидском языках.

В 1853 году, 8 апреля, после ночной молитвы, Мирза-Джемаль, слабый и больной, созвал всех своих родственников и, дав им добрые наставления, умер спокойно и в полном присутствии памяти.

А. Б.

Глава I

ГРАНИЦЫ, ВОДЫ, КЛИМАТ

Согласно древней истории, Карабаг, простираясь от Худа-Аферинского моста на Араксе до Сыныкского, разграничивающего ныне участок Казахский и Демурчи-Хасанлу и называемого русскими Красным мостом, граничил с З. Карабагскими горами, Елисаветполем, Шамшадильским и Казахским участками, с Ю. Араксом, с С. Курою, с В. Джеватом, около которого Кура, слившись с Араксом, течет в Каспийское море. Вследствие частых войн, которых провинция эта была свидетельницей при вторжении в нее персидских шахов, турецких султанов и тюркмен, овладевавших ею, границы Карабага изменились и крепости строились под другими именами. В настоящее время Карабаг граничит на Ю. р. Араксом, на С. Курою, протекающею близ Елисаветполя, что и составляет ширину Карабага, которая продолжительно, согласно сделанному при ханах вычислению, составляла 26 фарсахов или немецких мил; с В. дер. Джеватом, на З. Карабагскими горами, составляющими долготу на протяжении 39 фарсахов.

Карабаг принадлежал к числу областей Арана, имя, которым долгое время спустя, после потопа Ноя, — да будет мир над ним! — назывались все города, основанные между Курою и Араксом, как Тифлис, Эривань, Ганжа, нынешний Елисаветполь, Нахичевань, Ордубад, также Берда и Бильган, находящиеся в Карабаге, из которых последний лежит в развалинах, тогда как на месте Берды находится незначительная деревушка, населенная племенем Бурдалу. Араном же названа область от имени одного из потомков Ноя, владевшего этой страной.

Первою крепостью и городом, основанным в Карабаге, была Берда, населенная в древние времена, как полагать должно, армянами или другим племенем, жившим по берегам реки Тертера, протекающей в трех фарсахх южнее реки Куры. Согласно мусульманскому летоисчислению, в 36 году хиджры, во время халифов Омайядской династии в Дамаске (676 г. по р. х.), жители города Берды приняли ислам.

После Берды следует г. Бильган, построенный, как говорит предание, Кобад-Шахом, и следовательно, 1500 лет пред сим. Кобад-Шах соединил реку Аракс с р. Гергером посредством канала в 6 фарсахх, называвшегося в древние времена Берлас, нынешний Гяур-Архи. Все эти места, пахотные поля и сады им были заселены, и как канал, так и город Бильган существовали невредимыми до 635 года хиджры. (1229 г. по р. х.), в котором Чингиз-Хан, окружив город, после нескольких месяцев осады им овладел и перерезал всех его жителей, тогда как все населявшие окружные деревни искали спасенья в горах Ширвана и Карабага. После этого события город представлял одни развалины, оставаясь в таком виде до похода Тамерлана против турецкого султана Ильдерим-Баязет-Султана, по разбитии которого, он на возвратном пути из Турции возобновил Бильган, снова его заселил и провел в город воду. После того он остался невредимым до времен Сефевидов и самого НаDIR-Шаха, при котором город, по случаю частых следований через него войск в Грузию и Ширван и неприязненных отношений с Турциею, владеющею Тифлисом, Елисаветполем, Карабагом, Эриванью и Нахичеванью, снова пришел в упадок и более уже не возникал. Польза упомянутого выше канала, вдоль которого, при правильном заселении, могут поместиться от 5 до 6 тыс. семейств, значительная, и на местах, могущих быть поливаемыми из него водою, посеvy хлеба, риса и прочего зерна отлично дозревают, так что, одна четверть пшеницы дает до 20 и более, а особенно рис и просо, которых

одна четверть дает 50 и более. Для пахания же земли достаточно одной пары волов. Кроме того значительного канала есть еще и многие другие, проведенные из Аракса в Бильган, вода коих может удовлетворить с лишком 100—200 семейств. Хотя г. Бильган уже 300 лет как не существует, но каналы сохранились до времен Панах-Хана и сына его Ибрагим-Хана, пользовавшихся их доходами. Каналы эти суть следующие.:

1. Гюдек-Архи. 2. Ювар-Архи. 3. Меймэна-Архи. 4. Гямичи-Архи. 5. Сари-Архи. 6. Аяз-Архи. 7. Гюрлу-Архи. 8. Инсурхан-Архи. 9. Дураманлы-Архи. 10. Ташкаи-Архи. 11. Хан-Архи. 12. Бакарлу-Архи. 13. Меймэна-Архи 2-й. 14. Ювар-Архи 2-й. 15. Мукаддем-Архи. 16. Тайбашмаклу-Архи.

Климат Карабага хорош и здоров. Почва плодородна и щедро вознаграждает труды земледельцев.

Глава II

В период царствования в Персии династии Сефевидов Карабаг и пять армянских округов: Дизак, Верендэ, Хачин, Та-лыш и Челябюрд подчинились беглярбегам елисаветпольским, в зависимости коих были во время Надир-Шаха и Бергушат. Влияние это они удерживали некоторое время и после освобождения Надир-Шахом из-под власти турок Тифлиса, Елисаветполя (тогдашней Ганжи), Эривани, Нахичевани и Карабага. Между тем последний иногда находился в зависимости азербайджанских сардарей и имел в то же время своих небольших владетелей, зависевших от первого, что и продолжалось до 1160 года хиджры (1744 г. по Р. Х.), в котором Надир-Шах был убит. После смерти его удалось возвыситься Пенах-Хану, который при тогдашнем положении Персии, успел подчинить себе карабагские деревни, в чем елисаветпольские беглярбеги, по слабости своей, не могли ему воспрепятствовать. Многих же, пытавшихся сопротивляться Пенах-Хану, он приводил к покорности силою оружия, подробности чего составляют предмет III главы.

Глава III

ПРАВЛЕНИЕ ПЕНАХ-ХАНА, СЫНА ИБРАГИМ-ХАЛИЛЬ-АЛИ

Пенах-Хан происходил из джеванширского племени, обитавшего в Дизаке, из общества Саруджлу, отделившегося от поколения Бахманлу. Джеванширцы считались выходцами из Туркестана и составляли часть знаменитого авшарского племени. Предки Пенах-Хана были известны среди джеванширского племени, в котором он носил имя Пенах-Али Бека Саруджлу-Джеваншир, знатностью рода и пользовались особенным уважением. Надир-Шах, по покорении Карабага, Елисаветполя, Тифлиса и Ширвана, окружив себя многими туземцами этих мест, которым платил жалованье и оказывал различные почести, особенно отличал Пенах-Хана, обратившего на себя его внимание во время войн Персии с Турцией. Однако же Пенах-Хану недолго благоприятствовало здесь счастье. Выгодное и почетное положение, отличавшее его от других, воспламенило скоро зависть в его недоброжелателях, и последние, вследствие разных клевет и наветов, переменив выгодное о нем мнение Надира, заставили его, в сопровождении нескольких приверженцев и родственников, оставить в 1156 году хиджры Хорасан и искать спасения в бегстве.

Едва слухи об этом дошли до шаха, он послал за ним погоню, и когда все поиски остались тщетными, дал строгие предписания **адзербейджанскому** сардарю и правителям елисаветпольскому, тифлисскому и шемахинскому: где бы то ни было схватить и представить ему Пенах-Хана. Но несмотря на всю строгость распоряжений шаха и на все притеснения, которым подвергаемы были родственники и приближенные Пенах-Хана в джеванширском племени, переселенном из Карабага в Хорасан, Надир цели своей не достиг.

Пенах-Хан, между тем, укрываясь в горах Карабага, нередко проводил время в Шеки, в уезде Кебелэ, в доме кебелэйского султана, оказывавшего ему отличное гостеприимство, за которое вследствие Пенах-Хан, с своей стороны, укрывал у себя кебелэйских и шекинских беков, бежавших к нему, в числе 30 человек со всеми семействами, от преследования Мухаммед-Хана Шекинского. Во время этого пребывания у кебелэйского султана Старший сын Пенах-Хана Ибрагим-Халиль-Хан, имевший тогда около 15 лет от роду и проживавший в Хорасане, в округе

Сарахском, где имел собственный свой дом, прибыл к отцу в Карабаг. Некоторые, напротив того, свидетельствуют, что он бежал из Хорасана вместе с отцом при котором находился безотлучно. При таких обстоятельствах прошло два или три года до самой смерти Надир-Шаха, вслед за которою Пенах-Хан явился среди карабахского народа. Пенах-Хан был женат на сестре Сехл-Али-Бека, главы племени Кебирлу, ревностнейшего содействователя во всех его предприятиях. Начав действия свои грабежами в Елисаветпольском и Нахичеванском округах и найдя таким образом средство снабжать всем нужным своих приверженцев, он в это время получил известие, что джеванширское и другие, племена, переселенные Надир-Шахом в Хорасан, возвращаются в Карабаг; это его заставило немедленно отправиться для встречи их на границе Адзербейджана, откуда в непродолжительном времени он и провел их в Карабаг, где они заняли прежние свои жилища.

Между тем Пенах-Хан многих успел расположить в свою пользу; других же принуждал к покорности силою оружия и власть его видимо стала принимать более и более обширные размеры. В джеванширском же и других племенах не было человека, который бы мог ему противиться. Но едва только правители Ширвана и Шеки услышали о возрастающей силе Пенах-Хана и поняли всю опасность своего положения, как начали намышлять совокупными силами погубить общего своего врага, которому тогда же в Карабаге изъявили повинование еще пять армянских округов. Предугадывая весь таившийся против него замысел, Пенах-Хан, чтобы иметь безопасное место, где бы мог укрыть свое семейство и имущество и в то же время иметь верный и твердый оплот против враждебных ханов, в случае их нападения, могшего воспоследовать с той или другой стороны, основал в 1161 году хиджры (1749 г. по р. х.) крепость Беят, находящуюся в настоящее время в округе Кебирлу; обвел ее глубоким рвом, устроил в ней мечеть, базар, бани и переселил туда все свое семейство. Слухи об этом распространились скоро по всему Адзербейджану и многие семейства начали переселяться в Беят, увеличивая белее и более его народонаселение. Лишь только постройка крепости была кончена, как правители Ширвана и Шеки соединились с значительными силами под ее стенами приступили к осаде, продолжавшейся с небольшим месяц и кончившейся в пользу Пенах-Хана.

Видя во всем одной неудачи, неприятель решился оставить осаду и возвратиться восвояси. При этом правитель, Шекинский, Хаджи-Челеби сказал: «Когда мы пришли, Пенах-Хан был ханом; теперь же, когда ничего не выиграли и со стыдом должны возвратиться, он сделался шахом».

Эта первая удача была достаточна для того, чтобы породить в Пенах-Хане мысль к увеличению своей власти, для достижения которой ему необходимо было подчинить себе упомянутые выше пять армянских округов. Все обстоятельства того времени говорили в его пользу, и скоро цель была достигнута.

Мелик-Шах-Назарбег, управляющий Верендэйским округом, питая давнюю вражду к челябюрдскому, тальшинскому и дизакскому меликам, добровольно подчинился Пенах-Хану, тогда как правитель Хачинского округа оказывал упорное сопротивление. Пенах-Хан, став во главе племен Джеваншир, Саруджлу, Кебирлу и других, выступил против него и остановился между Шах-Булагом и рекою Гергером. Но встреченный хачинскими армянами, соединившимися с жителями некоторых деревень Челябюрдского округа, потерпел сильное поражение и долго ими был преследуем. Когда же войска его заметили, что армяне вышли из гористых мест в чистое поле, то, собравшись с силами, на них напали и разбив их наголову, заставили последних укрепиться в окрестностях Балукае, где армяне, потерпев совершенное поражение, лишились до 300 человек убитыми. В память этой победы Пенах-Хан соорудил на месте сражения, на берегу Хачинской реки, памятник.

По водворении, после того, спокойствия и по назначении правителем Хачинского округа Мирзы-Хана, потомки которого в лице Мелик Кахрамат-Бека и его братьев еще по настоящее время удержались в тех местах, Пенах-Хан простер виды свои на Челябюрдский округ, где в то время правителем был Аллах-Кули-Султан.

Когда во время осады Надир-Шахом Елисаветполя из Турции явился на помощь этому городу, а также Эривани и Тифлису, Абдулла-Паша Корпули-Оглы, облеченный властью сардара, тогда Надир, поручив продолжение осады своим полководцам, сам отправился против Абдуллы-Паши, которого разбил, овладев всем турецким лагерем, артиллериею и казною. Сам Абдулла-Паша был убит в этом деле Рустем-Султаном Карачурлу Карабаги Муговизлу, а голова его представлена Надиру, приказавшему Гани-Эфендию отправить труп его со всеми почестями в Турцию.

Особенную храбрость в этом сражении показал Мелик Аллах-Кули, бросившийся с несколькими челябюрдскими всадниками первый на артиллерию, за что и возведен был в сан

султана. Хотя Аллах-Кули-Султан после того и пытался оказывать некоторое сопротивление Пенах-Хану и иногда даже успевал одерживать верх, но не видя для себя особенных в будущем выгод, в сопровождении немногих знатных челябюрдцев, отправился на свидание с Пенах-Ханом для заключения мира. Пенах-Хан оказывал ему при этом случае все почести и, наградив как его, так и всех спутников, отпустил их обратно.

Но дружба эта, нарушенная самим Пенах-Ханом, продолжалась недолго. Почетные челябюрдские и хачинские армяне и даже сам Мелик-Шах-Назарбег, правитель Верендэйского округа, издавна питая вражду к Аллах-Кули-Султану, разными происками и интригами, склонили Пенах-Хана разорвать узы дружбы и погубить его.

Когда Аллах-Кули-Султан во второй раз приехал к Пенах-Хану, у которого тогда находился Хайдар-Кули-Хан, правитель Нахичевани, Мелик-Шах-Назарбег при виде пышности сопровождавшей его свиты обратился к Пенах-Хану с следующими словами: «Трудно поверить, чтобы человек, окружающий себя такою пышностью, мог всегда находиться в твоей зависимости и душою и телом тебе быть преданным. При первой возможности он сделается твоим врагом и потому знай, что освободить добычу и пренебречь удобным случаем, противно правилам осторожности великих, подобно тебе, людей». Вследствие таких слов Пенах-Хан однажды вечером пригласил к себе на пиршество Аллах-Кули-Султана, и когда последний хотел отправиться домой, вероломно был схвачен и в ту же ночь, с 2 или 3-я ему преданными, убит.

Жители Челябюрдского округа, сведав о таком поступке Пенах-Хана, побуждаемые мезтью и опоясавшись поясом повиновения, провозгласили меликом своим Хатем-Бека, потомка Аллах-Кули-Султана, который послал искать союза тогдашнего правителя Талыша, мелика Тахмураса, человека робкого и весьма ограниченного, в чем и успел. Мелик Тахмурас, веря дружескому приглашению Хатем-Бека, у которого тогда жил один из родственников, Юсуф-Бек, не пользовавшийся влиянием в округе, отправился к Мелик-Хатем-Беку, но лишь только прибыл, был схвачен, отведен на северную сторону Тертерского моста, составляющего границу Талышинского и Челябюрдского округов, и там вероломно лишен жизни. Совершив убийство, Мелик-Хатем-Бек соединился с Юсуф-Бекон и начал враждебные действия свои против Пенах-Хана, который узнав о заключенном против него союзе, решился расторгнуть его вначале. После многих с ними стычек и постоянных взаимных тревог между жителями Пенах-Хан с значительными силами напал на крепость Джумрук, лежащую в неприступном ущелье и составлявшую местопребывание Мелик-Хатем-Бека, имевшего там сильный гарнизон. В крепость, около которой протекает река Тертер, ведет одна только тропинка, удобопроходимая лишь для пешехода. С неописанною трудностью карабагская конница, состоявшая из джеванширцев, Саруджлу, Кебирлу и Отузеки, проехала тою местностью, что почти непостижимо уму, и нанесла постыдное поражение Мелик-Хатем-Беку, потерявшему многих убитыми и взятыми в плен. Большая часть почетных лиц Челябюрдского округа, утраченная внезапным нападением Пенах-Хана, добровольно ему отдавалась и лишь несколько семейств, в том числе и семейство Ха-тем-Бека, успели спастись бегством. В том же году Пенах-Хан выступил против Юсуф-Бека и хотя сначала и имел мало успеха, тем не менее действия его кончились блистательною победою.

После джумрукского дела с Меликом-Хатем-Бекон и по разбитии Мелик-Юсуф-Бека, оба мелика со всеми своими подвластными перекочевали в Елисаветпольский округ к Шах-Верди-Хану, бывшему в неприязненных отношениях с Пенах-Ханом, и заняли места у Шамхора и в деревнях, раскинутых в елисаветпольских горах. Здесь они пробыли до происшествия с Фетх-Али-Ханом-Авшаром, о котором будет упомянуто ниже. По заключении же дружбы Пенах-Хана с Шах-Верди-Ханом оба мелика, убежденные в своей безопасности со стороны Пенах-Хана, возвратились на прежние свои земли, где они в последнее время его жизни и в продолжение всего периода правления Ибрагим-Хана, пользовались особенными милостями; даже зависящие от них округа были избавлены от всяких податей, за исключением только Талышинского, который, Ибрагим-Хан впоследствии обязал ежегодною платою в 500 туманов и 500 четвертей пшеницы Люфт-Али-Беку, своему племяннику, а себе приличными подарками, за которые он в свою очередь их дарил дорогими и почетными халатами, оружием и др.

В то самое время, когда Пенах-Хан был занят войнами с Хачином, Челябюрдом и Талышем, был покорен и Дизакский округ, правителем которого тогда был Мелик-Исаи-Бек. Подробности этого происшествия заключаются в следующем.

До Мелик-Исаи-Бека Дизакон управлял отец его Мелик-Ягин-Бек, человек богатый, пользовавшийся особенным влиянием при Надир-Шахе, при котором ему подчинялись: все челябюрдское племя, армяне и хурда парэ-дизакские мусульмане этого округа. Надир-Шах, поставив

его выше всех прочих меликов пяти армянских округов в Карабаге, иногда ему поручал управлять ими, за что Ягин-Бек, в свою очередь снабжал войска персидские, когда они шли походами в Карабаг, Ширван, Елисаветполь и Дагестан, оружием и продовольствием. По смерти Мелик-Ягин-Бека в преемники ему назначен был Надир-Шахом сын его Мелик-Исаи-Бек. Сделавшись таким образом правителем Дизака, он удерживал за собою всю власть отца и после смерти Надира, пользуясь преданностью, к нему адзербейджанского сардаря, приверженца Адиль-Шаха.

Едва только Пенах-Хан видимо начал возвышаться над джеванширским племенем, как между ними начались неприязненные отношения, следствием чего было то, что Пенах-Хан, собрав все свое войско, вместе с Мелик-Шах-Назара-Бегом, напал на деревню Тук, куда Мелик-Исаи-Бек переселил большую часть подвластных ему жителей и где он, окруженный 3000 телохранителей, имел свое местопребывание. Осада Тука продолжалась несколько дней с большою с обеих сторон потерей. Сам Пенах-Хан, раненый в этом деле, принужден был отступить и дать тем самым возможность Мелик-Исаи-Беку грабить верендэйские и другие, принадлежащие Пенах-Хану, деревни. В следующем году Пенах-Хан вторично пошел походом и подступил к Теру, лежащему на склоне горы и доступному с одной лишь стороны. Но и эта новая попытка была неудачна для Пенах-Хана: он был разбит наголову, и Мелик-Исаи-Бек начал его преследовать, разоряя все встречавшееся ему на пути. Между тем Пенах-Хан снова решился испытать счастье, которое на этот раз ему не изменило: Мелик-Исаи-Бек, потерпев совершенное поражение, бежал в Тук, но видя все критическое свое положение, особенно же недостаток в продовольствии, и потеряв всю надежду получить какую-либо помощь, решился просить мира. Послав с этой целью несколько лиц к Пенах-Хану, он затем отправился сам на личное с ним свидание. Он явился к нему, в сопровождении 300 человек, в Палутлу, где был принят со всеми почестями, но на пятый день вероломно схвачен со всею свитою и лишен всего имущества, оставленного в Туке. Многие почетные лица и все жители, за исключением весьма немногих, большею частью старцев, которым позволено было остаться в Туке стеречь тамошние сады и дома, взяты были в плен и переселены в Чинакчи, где и оставались долгое время. Семейство же самого Мелик-Исаи-Бека после основания Шуши, переведено в ту крепость с некоторыми семействами почетных жителей Тука.

По окончании всех упомянутых выше войн и подчинении себе пяти армянских округов и деревень округа Игирми-дорт (т. е. двадцать четыре) и Юлака, бывшего всегда в зависимости елисаветпольских правителей Пенах-Хан занялся покорением Зенгезура, Сисяна, Чулдур и Бергушата, которые, по прошествии двух или трех лет, им были присоединены к Карабаху. Мелики же, султаны и минбаши (т. е. тысячники) тех округов, в преданности коих Пенах-Хан мало был уверен, заменены были другими, более ему преданными. Новыми приобретениями этими границы Карабага значительно распространились, а с тем вместе увеличилось и народонаселение, состоявшее преимущественно из армян и мусульман. В то же время Пенах-Хан определил точнее и отношения беков и султанов, власть которых сделалась наследственно. В случае же если кто умирал, не оставив по себе совершеннолетних детей Пенах-Хан назначал к ним двух или трех опытных наставников и воспитателей, возложив на них, как на опекунов, управление всеми делами и именами малолетних. Кому же Пенах-Хан жаловал поместья, последние переходили в потомственное владение.

По водворении всеобщего спокойствия Пенах-Хан, все-таки не уверенный еще в своей безопасности от зависти соседственных ему ханов, решился построить себе новую крепость. Таким образом основана была крепость Шах-Булаг (царь ключей) около обильного источника. Окружив ее стеною, Пенах-Хан устроил в ней мечеть, базар и бани, а в 1165 году хиджры переселил в нее многих жителей деревень и ремесленников.

Весть о таких действиях скоро повсюду распространилась, и соседственные ханы один перед другим искали дружбы Пенах-Хана.

Между тем Хаджи-Челэби, правитель шекинский, отличавшийся умом и подвигами, требовал, чтобы Пенах-Хан признал первенство его в крае и без его воли и согласия ничего бы не предпринимал. Но Пенах-Хан, считая для себя подобные предложения обидными и постыдными, с презрением их отверг, став настороже отразить неприятеля в случае его нападения. Следствием этого был союз составленный против Хаджи-Челэби из Хайдар-Кули-Хана Нахичеванского, Касым-Хана Карадагского и Шах-Верди-Хана Елисаветпольского. Затем, с общего согласия они отправили к грузинскому валию посла предварить его об опасности, грозящей как им, так и особенно Грузии со стороны шекинского правителя (который тогда же для усиления своих наступательных способов вошел в тесные связи с дагестанским владетелем и соединился даже родственными узами с казыкумыкским ханом), и просили валия не отказать им в свидании, чтобы

решить, какие меры предпринять к уничтожению могущества Хаджи-Челэби. Посольство имело желанный успех: упомянутые ханы просили могущественного содействия грузинского валия, на что и получили его согласие. Несколько дней спустя валий их пригласил на пиршество, где все четыре хана вероломно были им схвачены, после чего, не предвидя никакой опасности, могущей быть встреченною им с чьей-либо стороны для освобождения схваченных ханов, он беспечно остался некоторое время в окрестностях Елисаветполя. Между тем весть о таком коварном поступке грузинского валия дошла до Хаджи-Челэби, который несмотря на все враждебные планы против неге злополучных ханов, решился немедленно их освободить. Собрав значительные силы, он двинулся на валия и, переправившись чрез Куру, напал на него врасплох, разбил его наголову преследуя до р. Акстафы, освободил ханов, приведя их в Елисаветполь.

Никогда Пенах-Хан не мог забыть этот благородный поступок и, руководимый чувствами благодарности к своему избавителю, искал всегда случая выразить ему свою нелицемерную к нему преданность. Случай этот скоро представился, хотя, к крайнему сожалению, после смерти Хаджи-Челэби. Шекинский хан был в родстве с казыкумыкским владетелем в Дагэстане, потому что дочь последнего была супругою сына его Аги-Киши-Бека, достойного и храброго юноши, непосредственного преемника своего отца. Однажды Мухаммед-Хан-Сурхай — так звали казыкумыкского правителя — пригласил к себе зятя вместе с его супругою и лишь только тот приехал, он закрыл глаза родства и сострадания, убил Агу-Киши-Бека и на следующий же день отправился в Нуху, где и овладел всем его имуществом. Между тем сын Ага-Бека от другой жены, Хусейн, бежал к кебелэйскому султану и, успев собрать при помощи его небольшое войско из жителей Кебелэ, Куткашина, Хачмаза и соседственных Ширвану округов, послал в то же время просить помощи Пенах-Хана, который, тогда же узнав о прибытии казыкумыкского хана в Нуху, был настороже встретить его, если тот вздумает вторгнуться в Карабаг. Войско Пенах-Хана, расположенное на берегу Куры, состояло из пяти армянских округов и джеванширцев, кебирлуйцев, Отузеки, Демурчи, Хасанлу, Кулани и курдов Карачурлу и персиян. Здесь он узнал об убийстве, совершенном Мухаммед-Хан-Сурхаем. Собрав всех подвластных себе начальников, Пенах-Хан напомнил им еще свежий в памяти каждого поступок Хаджи-Челэби, в трогательной речи объяснил все несчастье, постигшее его семейство, выразив при этом случае желание свое отомстить казыкумыкскому правителю, чтобы омыть тем кровь несчастного Аги-Киши-Бека. Все присутствовавшие, поручив себя всевышнему, объявили готовность следовать за Пенах-Ханом, который тотчас же начал переправляться через Куру, направляясь оттуда по дороге к Нухе. Жители шекинских округов, узнав о движении Пенах-Хана, начали переходить на его сторону, между тем как Хусейн-Хан, выступив из Кебелэ, соединился с ним в окрестностях деревни Дахпалу. Едва только Сурхай услышал о приближении Пенах-Хана, как начал собирать войска, чтоб встретить своего противника. Оба войска сошлись в самой Нухе, в улицах которой закипела страшная резня, и Сурхай, потерпев совершенное поражение, бежал в Казыкумык, бросив все ограбленное имущество Аги-Киши-Бека, возвращенное его сыну. Затем Пенах-Хан, назначив Хусейн-Хана правителем шекинским, сам возвратился в Карабаг.

Глава IV

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ ПЕНАХ-ХАНА ПОСЛЕ СМЕРТИ НАДИР-ШАХА

По смерти Надир-Шаха браздами правления, в Персии овладел родной племянник его, Али-Кули-Хан, назвавший себя Адиль-Шахом и Али-Шахом. Сардарем адзербейджанским то время был Эмир-Аслан-Хан, имевший местопребывание свое в Тавризе, назначенный на эту должность еще Надир-Шахом и признанный в ней Адиль-Шахом. Эмир-Аслан-Хан, зная всю силу и власть Пенах-Хана, послал ему лошадь, саблю и почетную одежду, предлагая ему подчиниться Адиль-Шаху, на что тот охотно и согласился, считая невозможным оказывать какое-либо сопротивление, тем более, что не мог положиться на недоброжелательствовавших ему соседственных ханов. Согласившись таким образом на предложение адзербейджанского сардаря, он в письме к нему выразил покорство свое Адиль-Шаху, чем немало обрадовал Эмир-Аслан-Хана, который поступок свой считал лучшею и важнейшею услугою, какую только мог оказать своему повелителю. Между тем Адиль-Шах, получив известие о покорности ему Пенах-Хана, в 1161 году хиджры (1745 г. по р. х.), послал ему фирман на управление Карабагом, почетную одежду, лошадь с седлом, укра-

шенным золотом и осыпанным драгоценными камнями, и саблю, что ему и было доставлено в Бяг.

В таком положении оставались дела до того времени, когда до Пенах-Хана дошли слухи, что Али-Кули-Хан, назвавший себя Адиль-Шахом, убит внуком Надир-Шаха Шах-Рокхом-Мирзою, провозгласившим себя шахом в Хорасане, и что в Ираке, Адзербейджане и Фарсе вспыхнули мятежи и беспорядки. Он немедленно предложил правителям Елисаветполя, Нахичевани, Эривани, Карадага и Ардебилля заключить с ним дружественный союз, в чем и успел; некоторые только ханы, пытавшиеся оказывать сопротивление, были приведены в покорность силою оружия. Правителем Ардебилля Пенах-Хан назначил Дерках-Бека Саруджлу; а в Елисаветполе назначил из фамилии тамошних ханов Зияд-Оглы кого хотел, сменяя их решительно по своему благоусмотрению. Несколько-же человек из сыновей елисаветпольского и нахичеванского ханов содержались в Шахбулаге, где они и остались до того самого времени, когда Мухаммед-Хан-Каджар успел сделаться известным в Мазандеране, Ираке и Адзербейджане.

Многие сведущие и опытные лица, бывшие безотлучно при Пенах-Хане, обратились к нему следующими словами: «Хотя после убиения Надир-Шаха мы жили в дружбе и согласии с Али-Кули-Ханом и Эмир-Аслан-Ханом, сардаром адзербейджанским, но теперь, при Мухаммед-Хасан-Хане, обстоятельства могут измениться к нашему вреду. К тому же, мы не можем положиться на преданность соседственных с нами ханов и легко случится, что они, подстрекнув Мухаммед-Хасан-Хана, в союзе с ним предпримут против нас поход и народ карабагский будет затоптан многочисленностью их ополчения. Что же касается до Шах-Булага, то будем ли мы в состоянии в подобной крепости отразить гораздо нас сильнеего врага? Мы неминуемо должны будем погибнуть, если не построим более верный против них оплот, и потому не лучше ли основать другую крепость в неприступном месте нашей земли, чтобы, в случае нужды, могли бы мы также получить помощь одного из соседственных нам ханов».

В совете этом руководствовались во всем указаниями мелика Шах-Назарбега, пользовавшегося постоянно преданностью к нему Пенах-Хана. Таким образом положено было построить Шушу, для чего прежде чем приступить к работам, послали несколько человек осмотреть местность, предназначавшуюся для упомянутой крепости. Осмотрев ее, нашли только два или три источника, далеко не достаточные для всего народонаселения, но когда стали рыть колодцы, убедились, что в воде недостатка не будет. По сообщении обо всем этом Пенах-хану, он отправился для личного осмотра избранной местности и, оставшись совершенно ею доволен, приказал приступить к крепостным работам. В 1170 году хиджры (1754 г. по р. х.) он перевел всех жителей Шах-Булага и некоторых окружных деревень в Шушу, около которой, кроме деревушки Шуши, лежащей от нее в 6 фарсах к востоку, другого населения не было. В настоящее время от бывших крепостных стен остались едва заметные следы развалин. Год спустя по отстройке крепости Мухаммед-Хасан-Хан-Каджар двинул все свое войско для покорения Шуши и подчинения себе Пенах-Хана. Перейдя Аракс, он расположился лагерем в 4 фарсах от крепости, думая, что одного появления его будет достаточно, чтобы заставить Пенах-Хана признать над собою его власть и без труда овладеть Шушою. Проведя почти целый месяц в бездействии, Мухаммед-Хасан-Хан, несмотря на вес количество бывшего с ним войска, не мог подступить к крепости. Вдруг получил он известие, что Керим-Хан-Зенд покорил себе Фарс и готовится овладеть Мазандераном и Ираком, — что его и заставило отказаться от всех видов своих на Карабаг, Ширван и Елисаветполь и поспешить встретить Керим-Хана, который, до прибытия его туда, успел уже подчинить себе Фарс и некоторую часть Ирака, готовясь дать сражение самому Мухаммед-Хасан-Хану.

В это время судьбе угодно было прекратить жизнь Мухаммед-Хасан-Хана: он пал от рук своих приближенных, давно таивших к нему измену. Отрубив ему голову, они повезли ее к Керим-Хану, надеясь получить за поступок свой огромные деньги, в чем однако жестоко обманулись, потому что Керим-Хан приказал их казнить, дабы тем самым показать народу, что изменившие своему благодетелю никогда не избегут плачевной участи.

После этого события Фетх-Али-Хан-Авшар из Урмии, один из лучших сардарей Надир-Шаха, успел приобрести сильное влияние в Адзербейджане, отправил послов к Пенах-Хану, требуя его покорности, но получив грубый и презрительный отказ, двинулся во главе сильного войска против Шуши. Он расположился лагерем в одном фарсах от крепости и когда после 5-месячного бедствия заметил, что войско его видимо слабело, решился приступить к осаде, но не дойдя полверсты до крепости, встретился с войском Пенах-Хана и, разбитый наголову, бежал в свой лагерь, потеряв до 2000 людей. После совершенного поражения и при наступавшей уже зиме,

Фетх-Али-хану оставалось желать одного только мира в видах которого он отправил посольство к Пенах-Хану, прося в то же время выдачи пленных, предлагая взамен того дочь свою в супруги сыну Ибрагим-Халиль-Аге и прося последнего выслать к нему для свадебного обряда в лагерь, обещая затем возвратить его в Шушу. В поручительство же безопасности жизни Ибрагим-Халиль-Аги он отправил к Пенах-Хану трех заложников, которые должны были остаться у него до возвращения сына. Поверив Фетх-Али-Хану, Пенах-Хан немедленно послал к нему Ибрагим-Халиль-Агу в сопровождении небольшой свиты. Обрадованный Фетх-Али-Хан встретил его со всеми почестями, но, считая время неудобным для свадьбы, задержал Ибрагим-Халиль-Агу и послал Пенах-Хану, по обыкновению, разные сласти, желая выразить тем наружную свою к нему преданность. Несколько дней позже он арестовал Ибрагим-Халиль-Агу и увез его в Урмию, нигде почти не останавливаясь. Известие о таком поступке сильно огорчило Пенах-Хана, который, задумав мечь, начал помышлять о средстве освобождения сына.

В это время Керим-Хан, славившийся успешными действиями в Фарсе и Ираке и питая вражду к Фетх-Али-Хану, отрядил против него одного из своих родственников, который встретился с ним в окрестностях Испагани и, проиграв битву, сам лишился жизни. Следствием этой победы Фетх-Али-Хана было утверждение его власти в некоторых частях Ирака. Между тем раздосадованный Керим-Хан сам отправился против Фетх-Али-Хана, но прежде-перехода границ Адзербейджана послал просить союза Пенах-Хана, в твердой уверенности, что не получит отказа. Пенах-Хан же, с своей стороны, немало обрадованный этому случаю, выступил в поход, поручив управление Карабагом младшему сыну своему Михр-Али-Беку и племяннику Исмаил-Беку.

Союзные войска, соединившись в Адзербейджане, двинулись к Урмии, разбили Фетх-Али-Хана и заставили его запереться в крепости, в которой он мог держаться только несколько дней, по прошествии которых, он, видя свою слабость и надеясь, что Керим-Хан пощадит его жизнь, сдался. Между тем Ибрагим-Халиль-Ага, содержащийся в Урмии, был возвращен, и Керим-Хан, подарив ему лошадь, саблю и почетную одежду, дал ему фирман на управление Карабагом, потому что самого Пенах-Хана просил остаться при нем, опасаясь, что, в случае возвращения, он обратит оружие против него. Затем Керим-Хан вместе с Пенах-Ханом отправился в Шираз, а Ибрагим-Хан воротился в Карабаг, где единогласно признан был его правителем. Пенах-Хан, прибыв в Шираз, резиденцию Керим-Хана, провел там остаток дней своих и когда умер, тело его со всеми почестями отправлено было в Карабаг и предано земле в собственном его имении — нынешнем Агдаме. Да будет мир над ним! Известно, что по убиении Надира-Шаха, Пенах-Хан правил Карабагом в продолжение 12 лет, не зная несчастья в своих предприятиях и всегда любимый преданным ему народом.

ПРАВЛЕНИЕ ИБРАГИМ-ХАНА

1173—1221 годы хиджры (1756—1806 гг. по р. х.).

Ибрагим-Хан управлял Карабагом самостоятельно, не признавая над собою ни власти Персии, ни власти Турции. Но чтобы более или менее обеспечить свои силы и иметь, в случае нужды, верного союзника, первым делом его было вступить в родство с Умма-Ханом, сыном Нусал-Хана, владетелем Аварии, на сестре которого он женился. Между тем в Персии скончался Керим-Хан, со смертью которого начались несогласия его сыновей с иракскими ханами, старавшимися погубить друг друга. Правители же Ширвана, назначавшиеся из Персии, также враждовали между собою и попеременно искали помощи и защиты у Ибрагим-Хана, который, действуя в видах собственных выгод, поддерживал ту или другую сторону совершенно по своему благоусмотрению. Исключение составлял Фетх-Али-Хан, правитель Дербента, Кубы и Баку, человек предприимчивый и сильный, находившийся в родственных связях с племенем Аюкшэ и Шамхалом Тарковским, которым, кроме того, платил жалованье, как наемным союзникам. Намереваясь подчинить себе Адзербейджанскую провинцию, Фетх-Али-Хан встретил сильного врага и достойного соперника в Ибрагим-Хане, который несколько раз отражая его вторжения, заставлял его возвращаться. Когда же Фетх-Али-Хан умер, сын его Ахмед-Хан немедленно заключил дружбу с Ибрагим-Ханом, подчинившим себе тогда шахсевенских, хойских и елисаветпольских ханов, которые, или вследствие родственных связей, или по другим обстоятельствам, вынуждены были по необходимости действовать согласно его видам. В таком положении находились дела, когда еще прежде чем в Фарсе, Ираке и Адзербейджане успел возвыситься Ага-Мухаммед-Шах, в местечке Аг-Дагирмане, лежащем в 4 фарсах от Шуши, — в Верендэйском округе, — к Ибрагим-Хану

явились: сын Ахмед-Хана, правителя Хоя, сын Неджеф-Кули-Хана, беглербека тавризского, Мустафа-Хан, правитель Карадага, Садых-Хан и Мухаммед Риза-Хан Шегагийские, Насир-Хан, правитель Ардебилля и шахсавенов; и Шукр-Аллах-Хан, — и объявили ему следующее: «Мы все, адзербейджанские ханы, признали твою власть и находимся теперь в твоём присутствии. Тебе подчиняются равным образом ширванские, шекииские, елисаветпольские правители; аварский хан действует по твоим предначертаниям. Что же после этого заставляет тебя медлить провозгласить себя шахом? Дела Ирака, Фарса и Кирмана в самом критическом положении. Тебе стоит только явиться на границы тех провинций, чтобы правители их признали над собою власть твою». На эти слова, которые были спокойно выслушаны, Ибрагим-Хан отвечал: «Считая старших из вас братьями, а младших детьми своими, я не ищу другого, как единогласного признания меня главою своим; о короне же шахской мне не напоминайте. Никогда не искал этой чести, которой считал себя недостаточным, я и в настоящее время отвергаю ваше предложение».

Вскоре после этого случая Ибрагим-Хан отправился в Шушу, где и оставался до того самого времени, когда, по смерти Керим-Хана, Ага-Мухаммед-Хан, сын Хасан-Хана-Каджара, бывший заложником в Ширазе, бежал, объявил себя шахом и несколько лет спустя успел себе подчинить Ирак и Фарс, избрав Тегеран столицею. В 1207 году хиджры Ага-Мухаммед-Хан пошел в Адзербейджан и покорил все провинции на южной стороне Аракса, за исключением Эривани и Талыша. Ибрагим-Хану же он послал почетную одежду, лошадь и саблю, требуя его покорности, которую тот хотя и признал только по наружности, тем не менее все-таки послал двоюродного брата своего Абду-Самед-Бека, вместе с мирзою Вели-Бехарлу, человеком опытным и хитрым, заложниками к Ага-Мухаммед-Хану, державшему их при себе со всеми почестями до того времени, в которое Люфт-Али-Хан, человек храбрый и щедрый, подчинил себе всю разоренную им Кирманскую провинцию, что и подало повод к раздору Ибрагим-Хана с Ага-Мухаммед-Шахом. Едва только обстоятельство это сделалось гласным, как Абду-Самед-Бек с Мирза-Вели-Бехарлу, в сопровождении нескольких слуг, бежали, прибыв через несколько дней к р. Кызыл-Узень. Посланные в погоню чапары успели их опередить и достигнув Сарчема, объявили жителям этой деревни, чтобы они немедленно заняли все дороги и схватили бежавших. В происшедшей стычке Абду-Самед-Бек был ранен в колено и схвачен со всеми его сопровождавшими лицами. Сам он вскоре умер от полученной раны, а прочие приведены были к Ага-Мухаммед-Хану и содержались в тегеранской темнице.

Когда Ага-Мухаммед-Шах, однажды под стенами Шуши, вознегодовал на Ибрагим-Хана, — он приказал Мирзу-Валия в Тегеране привязать к дулу пушки и выстрелить, а прочих десять человек, содержащихся вместе с ним — да будет мир над ними! — также казнить. Так погибли эти несчастные и невинные жертвы, кровь которых была омыта кровью многих персидских ханов, погибших под стенами Шуши. — Да оплатит всевышний добро добром, а зло злом!

Когда таким образом, начались враждебные отношения между Ибрагим-Ханом и Ага-Мухаммед-Шахом, последний вдруг получает известие о вспыхнувших в Фарсе беспорядках, что его и заставило поспешить, через Адзербейджан, на усмирение упомянутой провинции. Устроив тамошние дела, он в 1209 году хиджры снова явился с огромным войском в Адзербейджан, чтобы оттуда итти на покорение Тифлиса, Эривани, Талыша и Карабага. Разделив все войско на две армии, он одну отрядил на Эривань, под начальством брата своего Али-Кули-Хана; а с другою двинулся на Шушу и остановился в 1 фарсахе от крепости в Ковахане, где расположился лагерем. Между тем валий тифлисский Ираклий, правитель Эривани Мухаммед-Хан и Мир-Мустафа-Хан Талышинский, вместе с Ибрагим-Ханом, дали друг другу клятву не признавать над собою власти шаха. Некоторые карабагские жители посланы были на защиту Тифлиса, другие назначены в Ширван к Мустафе-Хану, а прочие оставлены были собственно для защиты Шуши. Все нужные распоряжения для встречи неприятеля были сделаны 32 дня стоял Ага-Мухаммед-Шах в окрестности Шуши и, имея сильное войско, не решался подступить к крепости. Между тем карабагское войско не упускало случая наносить вред персиянам; в лесах и на всех дорогах угоняло у них катеров верблюдов, даже целые караваны с пшеницею, следовавшие в персидский лагерь. Катер продавался за 2 рубля, верблюд за 6, а хорошая лошадь за 10 рублей по тогдашним деньгам.

Шаху оставалось одно: укрепиться в лагере, для отражения нападения, могшего впоследствии со стороны Ибрагим-Хана.

Но несмотря на то, верендэйские войска однажды ночью сделали вылазку, разрушили одну башню и убили всех ее защищавших. Ага-Мухаммед-Шах несколько раз пытался подступить к крепости, но всегда с значительным уроном принужден был отступать. Наконец, по совету

Джевад-Хана Елисаветпольского и Мелика Меджнуна Челябиндского, проживавшего тогда в Ганже и изменившего Ибрагим-Хану, Ага-Мухаммед отступил, намереваясь идти на Грузию и Тифлис, о чем валий однако был предупрежден. Ибрагим-Хан его известил, что потерю под Шушою Ага-Мухаммед-Шах хочет вознаградить разорением Грузии и чтобы потому он был настороже дать отпор персидскому войску.

В Агдаме шах расположился лагерем, чтобы дать измученному и изнуренному войску отдых, а месяц спустя продолжал поход свой на Грузию, по дороге, указываемой Джевад-Ханом и меликом Меджнуном. Подступив к Тифлису, он скоро им овладел, ограбив как его жителей, так и все население окружающих деревень. От берегов Куры он чрез Джевад приступил к обратному пути в Адзербейджан, но переправившись чрез Аракс, остался зимовать на Муганской степи. Весною же, когда не мог взять Эривани и овладеть Тальшем, он вдруг получил известие о новом возмущении в Фарсе и Кирмане, что его и отозвало в Персию. Во время его отсутствия Ибрагим-Хан, в союзе с грузинским валием, подкрепляемый дагестанскими войсками, успел овладеть Елисаветполем и отомстить тем самым Джевад-Хану, как главному виновнику разорения Тифлиса. Последний объявив вторично свое покорство, поклялся в вечной верности и отдал Ибрагим-Хану в заложники родного своего племянника. Во время этого покорения Елисаветполя убит был мелик Меджнун-Челябиндский.

Еще до возвращения Ага-Мухаммед-Шаха генерал-аншеф граф Зубов, согласно высочайшего ее императорского величества повеления, явился под стенами Дербента и по овладении городом, во главе победоносного войска, прибыл в Шемаху, расположившись в окрестностях ее лагерем. Едва только Ибрагим-Хан узнал о прибытии русского генерала, он немедленно отправил к нему, в сопровождении нескольких карабагских беков, сына своего Абуль-Фетх-Хана, с приличными подарками, просить его ходатайства о принятии Карабага в подданство России. Граф Зубов благосклонно принял врученное ему прошение и отправил его через Дербент и Кизляр в Россию и, отплатив, с своей стороны, Ибрагим-Хану разными подарками, обнадежил его, что просьба милостливо будет принята ее императорским величеством. Когда дело это сделалось известным Мустафе-Хану Ширванскому, Мир-Мустафа-Хану Тальшинскому, даже ханам Хоя, Эривани, Карадага и Нахичевана, то все они, отправив от себя поверенных к Ибрагим-Хану, объявили и свою готовность на покорность России. Все бумаги и отзвывы их касательно этого предмета отправлены были к графу Зубову.

Хотя величие и могущество грузинского валия превосходило величие и средства ширванских, эриванских и хойских ханов, потому что, происходя из древней династии, он владел обширными владениями и, подобно персидским шахам, имел у себя двор, состоявший из знатных князей и дворян, и мог успеть против враждовавших с ним с одной стороны Дагестанских владетелей, с другой стороны — турецкого султана, а с третьей — персидского шаха, но тем не менее он искал и дорожил дружбою Ибрагим-Хана, который по многим отношениям ему мог быть полезен, тем более, что Умма-Хан, ближайший родственник карабагского владетеля, всегда и во всякое время мог тревожить его владения, что и случилось в 1199 году хиджры. Умма-Хан с многочисленным войском вторгся в Грузию, произвел в ней неслыханные опустошения и осадил Вахан, поместье князей Абашидзевых, в числе уведенных им отсюда пленных находились две княжны Абашидзевы, из которых он одну послал к Ибрагим-Хану, на которой тот и женился, а на другой женился сам. Дружба валия с Ибрагим-Ханом была для него еще тем более выгодна, что ширванский, текинский, елисаветпольский, карадагский, нахичеванский, тальшинский, тавризский, шахсевенский и шекакийские ханы изъявили совершенное и единодушное согласие вместе с Ибрагим-Ханом объявить себя покорными России. В такой же готовности находились и адзербейджанские ханы. Сам же валий послал в это время посла в Петербург просить принять его в подданство России. Вдруг получено было известие о кончине императрицы, и граф Зубов, по высочайшему повелению императора Павла, должен был возвратиться в Россию.

Все были поражены этим неожиданным известием, тогда как Ага-Мухаммед-Шах начал уже приближаться к границам Адзербейджана.

Положение Карабага было самое печальное и затруднительное: неурожаи следовали три года сряду; голод был повсеместный и цена на земные произведения непомерна, так что четверть пшеницы, по тогдашним деньгам, стоила 45 рублей. Народ бедствовал и унывал. В это время шах достиг уже берегов Аракса, и Ибрагим-Хан, опасаясь потерпеть недостаток в продовольствии и не видя поэтому возможности долее оставаться в Шуше, чтобы держаться против гораздо его сильнейшего врага, с семейством, всеми родственниками, в числе которых находились его зять Насир-Хан, Ата-Хан Шахсевенский и Селим-Хан Шекинский, другой зять его, и прочими почтенными

лицами вышел из крепости и отправился в Джарутелэ, чтобы там, если из Дагестана, Грузии и прочих провинций подоспеет помощь, встретить персиян: в противном же случае идти в Дагестан к родственнику своему Умма-Хану аварскому и избавиться таким образом от преследования Ага-Мухаммед-Шаха.

Последний, узнав, между тем, о выезде Ибрагим-Хана из Шуши, послал около 2000 человек настигнуть его по елисаветпольской дороге или где-либо по берегу Куры и воспрепятствовать ему бежать в Дагестан или в Джар. Посланные настигли его близ Тертерского моста, но не причинив особенного вреда, успели только ограбить все его имущество. Между тем Ибрагим-Хан переправился по ту сторону реки Куры и через Нуху вступил в Джаробелоканский округ. Хотя почетные лица тамошние и имели приказание персидского шаха не пускать Ибрагим-Хана в Дагестан, но несмотря на то, все жители Джара, Талэ, Елисуя, Белокани и пр., пользуясь долгое время его милостями, остались ему преданными. Ибрагим-Хан пробыл здесь не более 20 дней, как вдруг получено было известие об убиении Ага-Мухаммед-Шаха в Шуше. Подробности этого обстоятельства были следующие.

Неделю спустя по прибытии в Шушу Ага-Мухаммед-Хан однажды ночью, по какому-то случаю, вознегодовал на двух из своих нукеров, Сафар-Али-Бека и Аббас-Али-Бека, и объявил им, что рано утром их жестоко накажет. Так как шах никогда не изменял раз данному слову, то Сафар-Али-Бек и Аббас-Бек, боясь за свою жизнь, решились до рассвета убить шаха. Рано утром, когда он еще спал, они вошли к нему в спальню, заперли за собою дверь, и умертвив его, взяли все бывшие там драгоценности, в том числе и шахскую корону, и отправились к Садых-Хану Шекакийскому, объявив ему о случившемся. Садых-Хан, страшась шаха и думая, что это не что иное, как обман и хитрость, им не поверил. Наконец, когда Сафар-Али-Бек и Аббас-Бек убедили его клятвами в истине своих слов, он вместе с ними отправился в дом генерал-майора Мухаммед-Хасан-Али, у которого останавливался шах. Достигнув комнаты, в которой совершено было убийство, Садых-Хан со страхом переступил порог и в это время Сафар-Али-Бек, приподняв одеяло, раскрыл бездыханный труп шаха. Садых-Хан, овладев короною и лентою, немедленно, по возвращении домой, объявил, что шах ему приказал отправиться в Елисаветполь и Грузию, куда он тотчас же и выступил со всеми шекакийскими войсками, сопровождаемый одним из убийц шаха, Аббас-Бек. По уходе Садых-Хана, не далее как через два часа, умерщвление шаха сделалось гласным и персидские ханы, пораженные этим известием, один за другим бежали. Во время всех этих беспорядков Мухаммед-Бек, племянник Ибрагим-Хана, храбрый и знатного происхождения юноша, успел восстановить некоторым образом порядок и спокойствие и, схватив все ограбленные вещи шаха, перенес их в свой дом. Голова же Ага-Мухаммед-Шаха была отрезана и отправлена к Ибрагим-Хану, который предал ее земле, со всеми почестями, в Джаре. Затем Ибрагим-Хан оставался еще три месяца в Белокане; в то время грузинский палий, Джевад-Хан Елисаветпольский и Мустафа-Хан Ширванский прислали ему подарки и заключили с ним дружественный союз. То же сделали Умма-Хан Аварский и другие дагестанские владетели, явившиеся лично к Ибрагим-Хану.

Карабагом по-прежнему управлял Мухаммед-Бек, и лишь только Ибрагим-Хан оставил Белокань, как отправил вперед, в сопровождении нескольких ханов и беков, Мехти Кули-Хана, тогда еще называвшегося Агою, желая тем предупредить всякое восстание в пользу Мухаммед-Бека, который хотя и оказывал наружную преданность Ибрагим-Хану, как законному, владельцу Карабага, но в душе хранил замысел захватить всю власть в свои руки и окружил себя людьми, доброжелательствовавшими ему к достижению этой цели.

Вникнув во все эти обстоятельства, Мехти-Кули-Хан начал неусыпно следить за действиями Мухаммед-Бека и не переставал сообщать обо всем Ибрагим-Хану, который тогда же отправил старшего сына своего Мухаммед-Хасан-Агу, во главе 500 человек лезгин, в Карабаг для предупреждения всяких враждебных против него действий. Мухаммед-Бек, узнав об этом, переселился с некоторыми кочевыми жителями Карабага на Аракс, чтобы там удобнее преследовать свои замыслы, но скоро должен был отказаться от всех планов, потому что с прибытием туда Мухаммед-Хасан-Аги все приверженцы его, жившие на горе Кирс в 21 версте от Шуши, перешли на сторону последнего. Между тем Мухаммед-Хасан-Ага потребовал к себе и Мухаммед-Бека, который сначала медлил, но потом явился к нему с покорностью, тогда как Мехти-Кули-Хан, находившийся в Шуше, арестовал всех его людей, распорядившихся там его делами. Такими действиями в Карабаге было восстановлено общее спокойствие, когда Ибрагим-Хан, в сопровождении Насир-Хана и Ата-Хана, бывших постоянно при нем в Белокане, прибыл в Карабаг и вступил в управление.

Глава VI

Неминуемым следствием всех предшествовавших беспорядков в Карабаге было непомерное повышение цен на все припасы: народ, бедствуя, покидал места своего жительства и переселялся в Эривань, Ганжу, Ширван, Грузию и Турцию, думая найти там более средств и удобств к существованию. Но едва только Ибрагим-Хан водворил внутреннее спокойствие, как Фетх-Али-Шах потребовал возвращения тела злосчастливого Ага-Мухаммеда, на что тот вынужден был согласиться, как по враждебным отношениям к соседственным ханам, так и потому, что изнеможенный и бедствовавший народ думал более о самом себе, нежели об изыскании средств к поддержанию чести и славы своего владетеля. Тело Ага-Мухаммед-Шаха было отправлено в Тегеран, и Фетх-Али-Шах, оставшись вполне доволен Ибрагим-Ханом за беспрекословное его повиновение, послал ему халат, саблю и фирман на право получения доходов с Карадагской провинции. Для большего же ограждения спокойствия Карабага и для скрепления дружбы с Фетх-Али-Шахом более верными узами, Ибрагим-Хан согласился на брак дочери своей Ага-Бегум-Аги с шахом, который ее впоследствии всегда отличал от прочих своих жен. Сын же Ибрагим-хана, Абуль-Фетх-Хан, отправленный в Персию, равно как и Мухаммед-Хасан-Ага, пользовались особенною милостью шаха, получая ежегодно большие награды и подарки. В таком положении были дела когда в Грузии назначен был главнокомандующим князь Цицианов. Еще до прибытия его и до предположения о покорении Эривани, Ганжи, Ширвана и Карабага, Ибрагим-Хан объявил желание вступить в подданство России. То же самое он повторил графу Гудовичу, находившемуся тогда в Моздоке.

Между тем князь Цицианов, прибыв в Тифлис и желая наказать враждовавшего с ним Джавад-Хана, двинулся в декабре 1803 года на Ганжу и держал ее в блокаде до 2 января следующего 1804 года. Когда же Джавад-Хан отказался от вступления в подданство России, крепость была взята приступом, а сам он, вместе с сыном Хусейн-Кули-Агою, убит. Овладев Ганжою, князь Цицианов отправил майора Лисаневича в Карабаг требовать вступления Ибрагим-Хана в подданство России, на что последний охотно и согласился.

Едва только Фетх-Али-Шах узнал, что Ибрагим-Хан находится в близких и тесных сношениях с князем Цициановым, как отправил к нему сына его Абуль-Фетх-Хана с 500 человек, под предлогом оказать ему всевозможные с своей стороны содействия против русских. Подобный поступок шаха сильно оскорбил Ибрагим-Хана который в письме к своему сыну требовал немедленного возвращения персиян. Но Абуль-Фетх-Хан не обратил внимания на письмо, вступил в Дизакский магал в то время, когда Ибрагим-Хан, с сыном Мухаммед-Хасан-Агою, находился в Туке и Мехти-Кули-Хан из Зангезурского магала прибыл к отцу. Нападение Абуль-Фетх-Хана на упомянутую деревню кончилось совершенным поражением персиян; сам же он успел спастись бегством в Персию. Шах, раздраженный такими действиями Абуль-Фетх-Хана, сделал ему строжайший выговор, а к огорченному отцу написал письмо, стараясь сколько возможно его утешить и в то же время отклонить от намерения вступить в подданство России. Между тем Ибрагим-Хан отправил вторично депутатов к русскому главнокомандующему, спрося его назначить место свидания при заключении трактата. В мае 1805 года князь Цицианов прибыл к р. Кюрак, где, при стечении многочисленного народа, заключен был с Ибрагим-Ханом, явившимся туда в сопровождении сыновей своих Мухаммед-Хасан Аги, Мехти-Кули-Хана и зятя Селим-Хан Шекинского, трактат, засвидетельствованный именными их печатями и скрепленный собственноручною подписью князя Цицианова. В силу этого трактата, Мухаммед-Хасан-Ага должен был отправиться аманатом в Тифлис, тогда как в Шушу отправлен был батальон солдат с орудиями, для постоянного их там пребывания. Затем князь Цицианов вошел с всеподданнейшим представлением и ходатайством к государю императору о производстве Ибрагим-Хана и Селим-Бека в генерал-лейтенанты, а сыновей его Мухаммед-Хасан-Агу, Мехти-Кули-Хана в генерал-майоры и Ханлар-Агу в полковники, которые в непродолжительном времени и удостоились этих высочайших наград.

В то время майор Лисаневич, с батальоном егерей, при нескольких орудиях, отправился в Шушу и едва только успел прибыть в Хан-Баги, стоящий в 10 фарсах от крепости, как получено было известие, что персидские войска достигли уже берегов Аракса и намерены переправиться на эту сторону через Худа-Аферинский мост, где заблаговременно не было предпринято мер к предупреждению их вторжения. Оба войска сошлись близ джебраильских садов, и Мухаммед-Хасан-Ага, предпочитая защищать самую крепость, чем напрасно ослаблять свои силы, ночью со

всем войском возвратился и Шушу; персияне же вступили в Аг-Оглан, в 28 верстах от самой крепости, откуда отрядили около 500 человек в Аскеран, чтобы напасть на Шушу с двух сторон. Но майор Лисаневич, извещенный о всех их намерениях, в донесении к главнокомандующему просил поспешить с присылкою вспомогательных войск и едва только Аббас-Мирза вступил в Чинахчи, как около Шах-Булага показались русские войска, предводительствуемые полковником Карягиным и подполковником Котляревским. Оба войска сошлись около Аскерана. Русские, в числе 400 человек, удерживая в продолжение 15 дней стремительный натиск неприятеля при непрерывном бое, начали геройски отступать, успели овладеть Шах-Булагом и, пробыв здесь 3 дня, отправились в Ганжу; тогда и сам Фетх-Али-Шах с новыми войсками прибыл в Карабаг, остановившись лагерем в 42 верстах от Шуши, а наследник престола Аббас-Мирза намеревался идти в Грузию и разорить Тифлис. В Аг-Оглани Фетх-Али-Шах получил известие, что русские Каспийским морем вступили в Талыш; это его вынудило вместе с Аббас-Мирзою поспешить в Персию, направляя путь к Ардебилу. Князь Цицианов его преследовал из Аг-Оглана на пространстве 14 верст до самого Ханашина и возвратился только тогда в Шушу, когда весь Карабаг был очищен от персидских войск. Из Шуши князь Цицианов отправился в Тифлис, и когда он в том же году зимою перешел Куру, чтобы идти через Шеки в Ширван, Баку, Кубу и Дербент, для приведения к покорности жителей тех мест, Ибрагим-Хан, в знак искренней своей преданности России, выслал к нему для участия во всех делах сына своего Мехти-Кули-Хана с карабагскими войсками; но смерть Мухаммед-Хасан-Аги явилась следствием, что многие, пользуясь преклонными летами Ибрагим-хана, начали изъявлять неудовольствие по поводу вступления Карабага в подданство России и вызвали последнего обратно для поддержания общего в народе спокойствия.

В следующем 1806 году, весною, персияне, начав снова переправляться через Аракс в Карабаг, послали лазутчиков к Ибрагим-Хану, чтобы уговорить его отделиться от России и вступить с ними в союз. Вся защита его состояла лишь в одном батальоне солдат, под начальством майора Лисаневича; рассчитывать на жителей, которым вследствие неурожая угрожал сильный голод, было невозможно: при первом появлении персиян они разбежались бы во все стороны. Майор Лисаневич, видя такое положение Карабага, лишенного почти всех средств защиты против непомерно сильнейшего врага, и извещенный обо всем Ибрагим-Ханом, объявил последнему, что на подкрепление скоро придут русские войска и что всякая опасность со стороны неприятеля будет устранена. Между тем прибытие новых войск замедлилось, и Ибрагим-Хан, чтобы хоть сколько-нибудь удержать и предупредить скорые действия персиян против его владения, вступил с ними в сношения, а когда они подошли на 14 верст к Шуше, то выехал вместе с семейством из Хан-Баги и расположился лагерем в недалеком от него расстоянии. Это подало повод, что многие, подозревая в Ибрагим-Хане измену нашему правительству, наклеветали на него майору Лисаневичу, так что последний был вынужден действовать против него вооруженною рукою, причем Ибрагим-Хан, вместе с младшими сыновьями и некоторыми приближенными лицами, сделался жертвою своей неосторожности. Мехти-Кули-Хан и Джафар-Кули-Ага находились в это время безотлучно в Шуше и, стараясь удерживать возможное спокойствие, вместе с тем содействовали и к продовольствованию русских войск. 15 дней спустя после смерти Ибрагим-Хана, в Шах-Булаг прибыл генерал Небольсин, тогда как Аббас-Мирза стоял лагерем в Аг-Оглани. 13 июня оба войска сошлись близ Хонашинского дефиля, где персияне потерпели совершенное поражение и бежали за Аракс.

Еще до окончания этой войны назначен был в Грузию главнокомандующим генерал от инфантерии Гудонич. Лишь только до него дошла весть о смерти Ибрагим-Хана, он немедленно пригласил в Тифлис генерал-майора Мехти-Кули-Хана, и дав в честь его бал, тут же вручил ему высочайшую грамоту на ханство Карабага, обещая в то же время доставить в скорости золотую саблю и знамя, следовавшие ему по положению трактата. Затем Мехти-Кули-Хан вступил в ханство и управлял Карабагом до 1822 года.

Все это время, обнимающее около 15 лет и далее, до последней войны нашей с Персиею, составляет собою новый, отличный от всех прочих период истории Карабага. Владычество русских на Кавказе более и более утверждается; Карабаг развивается питается под его влиянием и образует собою позже одну из цветущих и благоденствующих провинций обширной империи.

А. Бер ж е